

NETFLIX

A NETFLIX
ORIGINAL SERIES

ЛИ БАРДУГО
ТЕНЬ И КОСТЬ

ГришиВерс

Ли Бардуго
Тень и кость

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)-4

Бардуго Л.

Тень и кость / Л. Бардуго — «Издательство АСТ»,
2012 — (ГришиВерс)

ISBN 978-5-17-105260-7

Окруженная врагами, некогда великая страна Равка разделена Тенистым Каньоном – полосой непроницаемой темноты, кишящей монстрами, которые жаждут человеческой плоти. И теперь судьба нации в руках одинокой девушки Алины Старковой. Алина не ждала слишком многого от жизни. Оставшись сиротой в результате приграничной войны, она уверена только в одном человеке – своем лучшем друге по имени Мал. Когда на Мала нападают волькры, в девушке пробуждается магическая сила такой мощи, что становится ясно: она способна спасти всю страну. Алину увозят в королевский дворец, где будут тренировать как одну из гришей – представителей элитного сообщества магов во главе с загадочным Дарклингом. Ей предстоит столкнуться с тайнами гришей... и своего собственного сердца.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)-4

ISBN 978-5-17-105260-7

© Бардуго Л., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	7
Глава I	10
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ли Бардуго

Тень и кость

Leigh Bardugo
SHADOW AND BONE

Copyright © 2012 by Leigh Bardugo
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается моему дедушке.

Расскажи мне какую-нибудь небылицу.

Пролог

Прислуга называла их «маленечками» – крошечными привидениями. Во-первых, они были самыми юными и низкорослыми в доме князя. Во-вторых, шныряли по поместью, как хохочущие фантомы, прячась в тумбочках, чтобы подслушать чужие разговоры, или крадась на кухню, чтобы стащить последние в этом сезоне персики.

Мальчика и девочку привезли в поместье с разницей в неделю. Очередные сироты, жертвы приграничных войн, беженцы с чумазыми от грязи и копоты лицами, найденные в руинах ближайших городков. Их отправили в поместье князя, чтобы обучить грамоте и какому-нибудь ремеслу.

Мальчик был невысокий и коренастый, с его лица не сходила застенчивая улыбка. Девочка же была совсем другой, и знала это. Как-то, спрятавшись в кухонном буфете, чтобы подслушать, о чем сплетничают взрослые, она услышала, как экономка князя, Ана Куя, проворчала:

– Маленькая уродина! Бледная и кислая, как стакан свернувшегося молока. Дети не должны так выглядеть.

– А какая она тощая! – поддакнула повариха. – Девчонка никогда не доедает свой ужин. Скорчившийся рядом с девочкой мальчик прошептал:

– Почему ты не ешь?

– Потому что земля и то вкуснее, чем ее стряпня.

– А мне нравится.

– Конечно, ты ешь все подряд!

Они вновь прижали уши к щели между дверцами шкафа. Через мгновение мальчик добавил:

– Я не считаю тебя уродиней.

– Тс-с-с! – шикнула на него девочка.

Но тут же улыбнулась, скрыв лицо в тени.

* * *

Летом они изнывали от долгих часов рутинной работы по хозяйству, за которыми следовали нудные занятия в душных кабинетах. В самое пекло дети укрывались в лесу, охотясь за птичьими гнездами или купаясь в маленьком мутноватом ручье. Или часами валялись на лугу, наблюдая, как солнце клонится к закату, обсуждая, где они построят свою молочную ферму, и спора, будут у них две белых коровы или три.

Зимой князь переезжал в свой городской дом в Ос Альте, дни становились все короче и холоднее, а преподаватели все больше пренебрегали своими обязанностями, предпочитая сидеть у камина и играть в карты, попивая квас. Запертые в четырех стенах, старшие дети от скуки постоянно учиняли склоки и драки. Поэтому мальчик и девочка прятались в заброшенных комнатах поместья, разыгрывая спектакли перед мышами и пытаясь согреться.

В тот день, когда приехали экзаменаторы-гриши, дети заняли место у окна одной из пыльных спален наверху, надеясь хоть мельком посмотреть на почтовую карету. Вместо этого они увидели сани, запряженные тройкой черных лошадей, которые проезжали через белокаменные ворота поместья. В полной тишине они следили, как сани скользят по снегу к главному входу княжеского дома.

Три показавшиеся фигуры были в элегантных меховых шапках и тяжелых шерстяных кафтанах: красном, темно-синем и фиолетовом.

– Гриши! – выдохнула девочка.

– Быстрее! – крикнул мальчик.

В мгновение ока они выскользнули из своих башмаков и бесшумно пронеслись через зал, прокрались через пустой музыкальный класс и притаились за ближайшей колонной галереи, откуда отлично просматривалась гостиная, в которой Ана Куя предпочитала принимать гостей.

Та как раз разливала по чашкам кипяток из самовара, похожая на ворону в своем черном платье. Большая связка ключей позвякивала на ее талии.

– Итак, только двое в этом году? – послышался грудной женский голос.

Дети всмотрелись через балконные перила в комнату под ними. Двое гришей сидели у камина: статный мужчина в синем кафтане и утонченная женщина с надменным лицом в красном. Третьим был светловолосый юноша, который мерил шагами комнату, по-видимому, разминая ноги после долгого путешествия.

– Да, – ответила Ана Куя. – Мальчик и девочка – наши младшенькие. Мы думаем, что им около восьми.

– Думаете? – вскинул голову мужчина в синем.

– Поскольку их родители мертвы...

– Мы понимаем, – перебила женщина. – Конечно, мы большие почитатели вашего учреждения. Если бы только больше знати интересовалось судьбой простолюдинов...

– Наш князь – великий человек, – проговорила Ана Куя.

Дети на балконе переглянулись. Их покровитель, князь Керамзов, был прославленным героем войны и радетелем о благе народа. Вернувшись с фронта, он устроил в своем поместье сиротский приют и пристанище для вдов. Единственное, о чем их просили, – упоминать имя князя в ночных молитвах.

– И какие они, эти дети? – спросила женщина.

– У девочки талант к рисованию. Мальчишка по большей части сидит в доме, пропадает на лугу или же бежит по лесу.

– Но какие они? – повторила незнакомка.

Ана Куя поджала пересохшие губы.

– Какие? Недисциплинированные, упрямые, слишком привязанные друг к другу. Они...

– Они слышат каждое наше слово, – перебил юноша в фиолетовом.

Мальчик и девочка подпрыгнули от неожиданности. Он смотрел прямо туда, где они укрылись. Дети кинулись за колонну, но было слишком поздно. Голос Аны Куи походил на удар хлыста:

– Алина Старкова! Мальен Оретцев! Немедленно спускайтесь!

Алина и Мал нехотя поплелись вниз по узкой спиральной лестнице в конце галереи. Когда они достигли последней ступеньки, женщина в красном встала и жестом подозвала их к себе.

– Знаете ли вы, кто мы?

Ее волосы были серыми, как сталь. Все еще красивое лицо покрывали морщины.

– Вы ведьмы! – буркнул себе под нос Мал.

– Ведьмы?! – возмутилась она и развернулась к Ане Куе. – Этому вы их учите? Суевериям и клевете?

Экономка залилась румянцем, а женщина в красном вновь повернулась к Малу и Алине. Ее темные глаза сверкнули.

– Мы не ведьмы, а практики Малой науки. Благодаря нам эта страна и это королевство находятся в безопасности.

– Как и благодаря Первой армии, – тихо вставила Ана Куя, и в ее голосе безошибочно слышались стальные нотки.

Женщина в красном застыла, но мгновенно овладела собой:

– Как и благодаря армии короля.

Юноша в фиолетовом улыбнулся и наклонился к детям.

– Когда листья меняют свой окрас, считается ли это магией? – спросил он ласково. – Или когда ваша рука заживает после пореза? А когда вы ставите кастрюлю с водой на плиту, и она закипает, это тоже магия?

Мал округлил глаза и покачал головой, но Алина нахмурилась и парировала:

– Любой может вскипятить воду.

Ана Куя раздраженно вздохнула, но женщина в красном рассмеялась.

– Ты совершенно права. Это любому по плечу. Но не каждый может освоить Малую науку. Поэтому мы пришли, чтобы протестировать тебя, – она повернулась к Ане Куе. – Оставьте нас.

– Подождите! – воскликнул Мал. – А что, если мы окажемся гришами? Что с нами будет?

Женщина в красном перевела взгляд на детей.

– Если хоть *один* из вас окажется гришом, что очень маловероятно, то это счастливое дитя отправится в специальную школу, где мы учим пользоваться своим даром.

– У вас будет лучшая одежда, лучшая еда, все, что только душе угодно, – подтвердил юноша в фиолетовом. – Как вам такое?

– Это большее, что вы можете сделать для своего короля, – вставила Ана Куя, замерев в дверном проеме.

– Совершенно верно, – миролюбиво согласилась женщина в красном.

Мальчик и девочка переглянулись. Если бы взрослые следили за ними внимательнее, они заметили бы и как дети взялись за руки, и взгляд, которым они обменялись. Князь бы узнал этот взгляд. Ведь он провел многие годы в опустошенных землях у северной границы, где деревни постоянно находились в осаде, а крестьяне продолжали бороться, почти не надеясь на помощь короля. Он видел босых, но непреклонных женщин, которые без всякого страха смотрели в лица врагам, наставлявших на них свои пики. Князь бы легко узнал взгляд мужчины, готового защищать свой дом всего лишь с камнем в руке.

Глава I

Стоя на краю дороги, кишашей людьми, я смотрела на расстилающиеся поля и заброшенные фермы долины Тула и впервые обозревала Тенистый Каньон. Мой полк был в двух неделях ходьбы от военного лагеря в Полизной. Осеннее солнце нещадно палило, но даже в пальто меня била дрожь от вида мглы впереди, которая расплзалась темным пятном на горизонте.

Кто-то с размаху врезался плечом мне в спину. Я споткнулась и чуть не полетела лицом в грязь.

– Эй! – прокричал солдат. – Смотри, куда прешь!

– Почему бы тебе самому не смотреть внимательнее, куда ставить свои жирные ножищи? – огрызнулась я, наслаждаясь замешательством, написанным на мясистом лице мужчины.

Люди, а особенно здоровенные мужики, вооруженные до зубов, не ожидают дерзости от такой хлупенькой девчонки, как я. На их лицах всегда появляется удивленное выражение, когда я даю отпор.

Солдат быстро оправился от изумления и смерил меня уничижающим взглядом. Затем, поправив мешок за плечом, исчез в веренице лошадей, людей, телег и повозок, бесконечным потоком уходящей за гребень холма и вниз по долине.

Я ускорила шаг, пытаясь разглядеть в этом потоке желтый флажок повозки с топографами, который уже давно потеряла из виду, и понимая, что безнадежно отстала.

Терпкие запахи зелено-золотого осеннего леса долетали до меня по пути. Мы шли по Ви – широкой дороге, когда-то соединявшей Ос Альту с зажиточными портовыми городками на западном побережье Равки. Но так было до появления Тенистого Каньона.

Кто-то в толпе запел.

«Пение? Какой идиот будет петь, направляясь в Каньон?»

Я вновь посмотрела на пятно на горизонте и попыталась подавить дрожь. Мне доводилось видеть Тенистый Каньон на многих картах: черный разрез, отделявший Равку от единственного побережья и перекрывающий выход к морю. Иногда он обозначался темной меткой, иногда пустынной местностью или бесформенной тучей. Также были карты, где Тенистый Каньон выглядел как длинное узкое озеро, подписанное другим названием – Неморе, как будто это должно успокоить и подбодрить солдат и торговцев.

Я фыркнула. Может, это и утешит каких-нибудь тупоумных торгашей, но не меня.

Я отвлеклась от зловещей мглы, нависающей вдалеке, и бросила взгляд на разрушенные фермы Тулы. Когда-то долина являлась домом для богатых помещиков Равки. Она была местом, где фермеры собирали обильные урожаи, а овцы паслись на сочных зеленых лугах. А затем идиллию нарушил черный разрез – полоса непроходимой темноты, навевающей ужас. С каждым годом она увеличивалась. Никто до сих пор не знает, куда делись фермеры, их скот, посевы и жилища.

«Перестань, – строго сказала я себе. – Ты только хуже делаешь. Люди годами пересекали Каньон... обычно с немалыми потерями, но все же».

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Никаких обмороков посреди дороги, – прошептал кто-то у моего уха и положил тяжелые руки мне на плечи. Я подняла голову и увидела знакомое лицо Мала, улыбку в его ясных голубых глазах. Он зашагал вровень со мной.

– Давай, – сказал он. – Одну ногу вперед, затем другую. Ты же знаешь, как это делается.

– Это противоречит моему плану.

– Неужели?

– Да. Потерять сознание, чтобы меня затоптали, и, таким образом, получить серьезные травмы.

– Гениальный план!

– Ах, но если меня жутко изувечат, я не смогу пересечь Каньон!

Мал нехотя кивнул.

– Понял ход твоих мыслей. Я могу толкнуть тебя под повозку, если это поможет.

– Я подумаю над твоим предложением, – буркнула я в ответ, но почувствовала, что мое настроение поднимается. Несмотря на мои усилия, Мал все еще оказывал на меня такое воздействие. И не только на меня. Мимо нас прошла симпатичная блондинка и помахала ему рукой, бросив кокетливый взгляд через плечо.

– Эй, Руби, – крикнул он. – Увидимся позже?

Та хихикнула и быстро скрылась в толпе. Мал самодовольно улыбнулся, но тут заметил, как я закатила глаза.

– Что? Я думал, тебе нравится Руби.

– Как это часто бывает, у нас с ней мало общих тем для разговоров, – сухо ответила я. Мне действительно нравилась Руби... поначалу.

Когда мы с Малом покинули сиротский приют Керамзина, чтобы пройти военную подготовку в Полизной, я сильно нервничала при мысли о знакомстве с новыми людьми. Но, как оказалось, девушки буквально горели желанием подружиться со мной, и Руби была среди самых активных. Наша дружба продлилась до тех пор, пока я не осознала, что причина интереса ко мне заключалась в моей близости к Малу.

Я наблюдала, как он широко развел руки в стороны и запрокинул лицо в осеннее небо. Вид у него был абсолютно расслабленный, а шаг – упругий. Мне стало как-то не по себе.

– Да что с тобой? – сердито прошипела я.

– Ничего, – удивился он. – Все отлично.

– Но как ты можешь быть таким... таким беспечным?

– Беспечным? Я никогда не был беспечным. Надеюсь, никогда и не буду.

– Тогда что это значит? – спросила я, обведя его взмахом руки. – Выглядишь так, будто ты на пути на шикарный прием, а не на возможную смерть и расчленение.

Мал рассмеялся.

– Ты слишком много волнуешься. Король послал целый полк гришей-огнетворцев, чтобы те прикрыли скифы, и даже парочку этих жутковатых сердцебитов. А у нас есть ружья, – сказал он, похлопав по своему плечу. – С нами все будет хорошо.

– Ружья не сильно помогут при серьезном нападении.

Мал удивленно посмотрел на меня.

– Что с тобой происходит? Ты раздражительнее обычного. И выглядишь ужасно.

– Спасибо, – проворчала я. – Мне не спится в последнее время.

– Что еще нового расскажешь?

Конечно, он был прав. Я всегда плохо спала. Но в последние дни все стало еще хуже. Святые знают, у меня много веских причин, чтобы бояться идти в Каньон. Мои страхи разделяли все члены нашего полка, которым достаточно не повезло, чтобы быть выбранными на переправу. Но проблема не только в этом... меня преследовало более глубокое чувство тревоги, которое я не могла толком объяснить. Я искоса посмотрела на Мала. Были времена, когда мы могли говорить обо всем на свете.

– Просто... у меня плохое предчувствие.

– Хватить себя накручивать. Может, Михаила пустят на скиф. Волькре хватит одного взгляда на его большой сочный живот, и она оставит нас в покое.

В голову полезли непрощенные воспоминания:

Мы с Малом сидим бок о бок в кресле в библиотеке князя, перелистывая страницы большого фолианта в кожаном переплете. Нам попала на глаза картинка с волькрой: отвратительные длинные когти, кожистые крылья, ряды острых, как бритва, зубов для расчленения людской плоти. Волькры слепы, так как уже сотню лет поколение за поколением проводили за охотой в Каньоне, но, если верить легендам, эти существа могли учуять нашу кровь издалека.

Я тычу в картинку и спрашиваю:

– Что оно держит в лапах?

В моей голове до сих пор отдается шепот Мала:

– Кажется... кажется, это нога.

Мы захлопываем книгу, и, вереща, несемся на улицу, под защиту солнечного света.

Сама того не понимая, я замерла на месте, не в состоянии отделаться от жутких воспоминаний. Заметив, что я отстала, Мал сокрушенно вздохнул и зашагал обратно ко мне. Положив руки на плечи, он слегка встряхнул меня.

– Да шучу я. Никто не станет есть Михаила.

– Знаю, – сказала я, упершись взглядом в свои ботинки. – Ты такой шутник.

– Алина, да ладно тебе! С нами все будет хорошо.

– Ты не можешь это гарантировать.

– Посмотри на меня, – я заставила себя взглянуть ему в глаза. – Знаю, ты боишься. Я тоже. Но мы сделаем это, и с нами все будет отлично. Как всегда. Ладно? – он улыбнулся, и мое сердце громко застучало в груди. Я потерла пальцем шрам, пересекающий мою правую ладонь, и сделала прерывистый вдох.

– Ладно, – нехотя выдавила я, но почувствовала, что снова могу улыбаться.

– О, у мадам улучшилось настроение! – воскликнул Мал. – Солнце снова может радовать нас своими теплыми лучами!

– Ой, а не заткнуться ли тебе? – я повернулась, чтобы отпихнуть его, но не успела – он сгреб меня в охапку и оторвал от земли.

Воздух наполнился криками и стуком копыт. Мал толкнул меня с дороги как раз в тот момент, когда мимо нас пронесся огромный черный экипаж. Люди бросались в разные стороны, чтобы не попасть под копыта четырех вороных коней. Рядом с возницей с кнутом сидели двое солдат в угольно-черных пальто.

Дарклинг. Черный экипаж и униформу его личных стражей ни с чем не спутать.

Еще одна карета, на этот раз красная, проследовала мимо нас в куда более неторопливом темпе. Я посмотрела на Мала, и мое сердце забилось быстрее от нашей близости.

– Спасибо, – прошептала я. Парень неожиданно понял, что я все еще в его объятиях. Он отпустил меня и поспешно отступил. Я стряхнула пыль с пальто, надеясь, что он не заметил моего румянца.

Следом появился еще один экипаж, окрашенный в синий цвет, и из его окна высунулась девушка. У нее были выющиеся черные локоны, выглядывающие из-под головного убора из меха серебристой лисы. Она внимательно рассматривала толпу и, естественно, ее взгляд остановился на Мале.

«Ты сама сохнешь по нему, – упрекнула я себя. – Так почему какая-нибудь обворожительная девушка-гриши не может?»

Ее губы изогнулись в легкой улыбке, которая задержала взгляд Мала. Девушка наблюдала за ним через плечо, пока экипаж не исчез из виду. Мой друг глупо таранился ей вслед, слегка приоткрыв губы.

– Закрой рот, пока муха не залетела, – резко прокомментировала я. Он пару раз моргнул, вид у него был ошеломленный.

– Ты это видел? – слышался рядом чей-то голос. Я повернулась и заметила Михаила, направляющегося к нам размашистой походкой. На лице его было написано благоговение, что

меня едва не рассмешило. Михаил был рыжеволосым громилой с широким лицом и бычьей шеей. За ним семенил тощий и мрачный Дубров. Оба были следопытами из подразделения Мала и никогда не отходили далеко от своего предводителя.

– Естественно, видел, – глуповатое выражение Мала сменилось дерзкой ухмылкой. Я закатила глаза.

– Она смотрела прямо на тебя! – воскликнул Михаил, хлопнув Мала по спине. Тот равнодушно пожал плечами, но его улыбка стала еще шире.

– Ну, смотрела, – самодовольно ответил он. Дубров нервно переступил с ноги на ногу.

– Говорят, девушки-гриши могут наложить на тебя заклятие.

Я фыркнула. Михаил посмотрел на меня так, будто только заметил мое присутствие.

– Привет, Плоскодонка, – он легонько толкнул меня в плечо. Я нахмурилась, услышав кличку, но парень уже отвернулся к Малу. – Знаешь, а ведь она будет ночевать в лагере, – продолжил он с усмешкой.

– Я слышал, что у гришей палатки размером с кафедральный собор, – добавил Дубров.

– И там полно укромных местечек, – Михаил многозначительно пошевелил бровями. Мал гикнул. Даже не посмотрев в мою сторону, троица с громкими криками зашагала прочь, периодически пихая друг друга.

– Я тоже была рада вас видеть, ребята, – тихо пробормотала я им вслед.

Поправив ремни рюкзака на плечах, я начала спускаться вниз по тропинке, нагнав нескольких отставших по дороге в Крибирск. Спешить было некуда. Наверняка я получу выволочку, когда наконец дойду до палатки с картотекой, но ничего с этим уже не поделаешь.

Задумавшись, я потеряла то место, куда меня стукнул Михаил.

«Плоскодонка, – ненавидела эту кличку. – Ты не называл меня Плоскодонкой, когда напился кваса и пытался облапать меня на весеннем костре, жалкий болван!»

В Крибирске было не на что смотреть. Если верить словам старшего картографа, до появления Тенистого Каньона это место было полусонным торговым городком, состоявшим из пыльной площади и гостиницы для усталых путников с Ви.

Теперь он превратился в неприютный город-порт, приросший вокруг постоянным военным лагерем и доком для землеходных скифов, готовых отвезти своих пассажиров в темноту Западной Равки.

Я шла мимо пабов и таверн, которые, уверена, были борделями, предназначенными для обслуживания солдат королевской армии. Попадались также магазины, предлагавшие ружья, арбалеты, лампы и фонари – необходимое оборудование для пересечения Каньона. Маленькая церковь с белыми стенами и блестящими луковичными куполами была на удивление в хорошем состоянии.

«Может, это не так уж удивительно», – подумала я. Любому, кто решился пересечь Каньон, не помешало бы зайти и помолиться.

Я нашла палатку топографов, оставила рюкзак на одной из коек и поспешила в картотеку. К моему облегчению, старшего картографа нигде не было видно, и мне удалось проскользнуть незамеченной.

Войдя в белую брезентовую палатку, я впервые расслабилась с момента, как увидела Каньон. По сути, картотека была одинаковой во всех лагерях – светлая, с рядами чертежных столов, за которыми работали художники и топографы. После шумной толкотни на дороге шелест бумаги, запах чернил и тихое поскрипывание перьев с кистями действовали на меня успокаивающе. Я достала блокнот из кармана пальто и скользнула на лавочку к Алексею, который тут же развернулся ко мне и раздраженно прошептал:

– Где ты была?!

– Чуть не попала под колеса экипажа Дарклинга, – ответила я, схватив чистый листок бумаги и листая свои наброски в поисках подходящего сюжета для копирования. Мы с Алек-

сеем были помощниками младших картографов и в качестве подготовки должны были предоставлять два законченных эскиза или рисунка к концу каждого дня.

Алексей резко выдохнул.

– Серьезно? Ты вправду видела его?

– Вообще-то, я была слишком занята тем, чтобы не покинуть мир живых.

– Есть способы умереть и похуже, – он заметил набросок скалистой долины, которую я собиралась начать перерисовывать. – Фу. Только не этот.

Пролистав мой блокнот с эскизами, он остановился на изображении горного хребта и постучал по нему пальцем.

– Вот.

Я едва успела коснуться пером бумаги, как в палатке появился старший картограф и двинулся по проходу, проверяя наши работы.

– Надеюсь, это уже второй эскиз, Алина Старкова.

– Да, – соврала я. – Второй.

Стоило картографу пройти дальше, как Алексей зашептал:

– Расскажи мне об экипаже.

– Мне нужно закончить эскиз.

– Держи, – раздраженно сказал он, подсунув мне один из своих.

– Он поймет, что это твоя работа.

– Этот эскиз не из лучших. Вполне сойдет за твой.

– А вот и Алексей, которого я знаю и уважаю, – пробурчала я, но приняла рисунок.

Алексей был одним из самых талантливых помощников, и он это прекрасно знал. Парень выведал у меня все детали о трех экипажах гришей. Я была благодарна за эскиз, поэтому из всех сил старалась удовлетворить его любопытство, пока заканчивала свою работу над горным хребтом и измеряла пальцами размер самых высоких вершин. К тому моменту, как мы закончили, на улице уже смеркалось. Мы сдали наши работы и пошли в столовую, где встали в очередь за мутной похлебкой, которую черпал из кастрюли взмокший поваренок, а затем отыскивали места за столом с другими топографами.

Я ела молча, прислушиваясь, как остальные обменивались лагерными сплетнями и опасениями из-за завтрашнего перехода. Алексей настоял, чтобы я пересказала историю об экипажах гришей, и она была встречена как обычно – смесью восхищения и ужаса, возникавших при каждом упоминании Дарклинга.

– Он неестественный, – сказала Ева, еще одна помощница: у нее были красивые зеленые глаза, которые, к сожалению, не особо отвлекали от носа-пяточка.

– Как и все предыдущие, – фыркнул Алексей. – Будь добра, поделись с нами своими умозаключениями, Ева.

– Начнем с того, что именно Дарклинг создал Тенистый Каньон.

– Это было сотни лет тому назад! – возразил парень. – И тот Дарклинг был сумасшедшим.

– Этот ничем не лучше.

– Ох уж эти крестьяне, – отмахнулся от нее Алексей.

Ева с оскорбленным видом отвернулась к своим друзьям. Я продолжала молчать. Я была большей деревенщиной, чем Ева, несмотря на ее предрассудки. Лишь благодаря доброте князя я научилась читать и писать, но, по установившемуся негласному соглашению, мы с Малом избегали разговоров о Керамзине.

Словно по команде, хриплый хохот вывел меня из задумчивого состояния. Я оглянулась через плечо. Это Мал привлекал к себе внимание за шумным столом следопытов. Алексей проследил за моим взглядом.

– И как вы двое стали друзьями?

– Мы росли вместе.

– Не похоже, что у вас много общего.

Я пожала плечами.

– Нетрудно найти что-то общее, когда ты ребенок.

Например, одиночество, или воспоминания о родителях, которых мы должны были забыть, или удовольствие от побега с занятий, чтобы поиграть в салочки на лугу.

У Алексея был настолько скептический вид, что я рассмеялась.

– Он не всегда был Малом Великолепным, лучшим следопытом и соблазнителем гришей.

Алексей открыл рот от удивления.

– Он соблазнил девушку из гришей?!

– Пока нет, но, уверена, у него все впереди, – пробурчала я.

– Итак, каким же он *был*?

– Толстым коротышкой, который боялся принимать ванну, – сказала я не без доли удовольствия. Алексей еще раз посмотрел на Мала.

– Как все меняется...

Я потеряла шрам на своей ладони.

– Видимо, да.

Помыв за собой тарелки, мы вышли из столовой в прохладу ночи. И на обратном пути в казарму заложили большой крюк, чтобы мельком взглянуть на лагерь гришей. Шатер черного шелка действительно был размером с собор, над ним трепетали синие, красные и фиолетовые знамена. Где-то позади пряталась палатка Дарклинга, охраняемая сердцекритами из корпориров, а также личной стражей вышеупомянутого.

Когда Алексей насмотрелся вдоволь, мы направились в свою часть лагеря. Он затих и начал щелкать костяшками пальцев, и я знала, что мы оба думаем о завтрашнем переходе. Судя по мрачному настроению в казарме, мы такие были не одни. Некоторые уже забрались на свои койки и спали – или пытались, – пока остальные ютились у ламп и тихо шептались. Другие сидели с иконами в руках, молясь своим святым.

Я развернула на койке свой спальный мешок, сняла ботинки и сбросила пальто. Затем залезла под одеяло с меховой опушкой и уставилась в потолок в ожидании сна. Так и лежала, пока свет не погасили, а шепот не сменился на тихий храп. Завтра, если все пойдет по плану, мы спокойно пересечем Западную Равку и я впервые увижу Истиноморе. Там Мал и остальные следопыты будут охотиться на красных волков, морских лисиц и других хищников, которых можно найти только на западе. Я останусь с картографами в Ос Керво, чтобы закончить свое обучение и помочь зафиксировать любые данные, которые нам удастся почерпнуть в Каньоне. А затем, само собой, мне придется вновь пересечь его, чтобы вернуться домой. Но трудно заглядывать так далеко в будущее.

Я все еще не спала, когда услышала это. *Тук-тук*. Пауза. *Тук*. Затем снова: *тук-тук*. Пауза. *Тук*.

– Что происходит? – сонно пробормотал Алексей с соседней койки.

– Ничего, – прошептала я в ответ, уже выскальзывая из-под одеяла и обуваясь в ботинки. Схватив пальто, я максимально тихо прокралась по казарме. Когда открыла дверь, то услышала хихиканье и какая-то девушка сказала:

– Если это следопыт, то скажи ему, чтобы зашел внутрь и согрел меня.

– Если он захочет подхватить сифилис, то, уверена, сразу же направится к тебе, – пропела я сладким голоском и вышла на улицу. Холодный воздух жалил мне щеки, и я спрятала подбородок в воротник, жалея, что не захватила шарф и перчатки. Мал сидел спиной ко мне на ветхих ступеньках. Позади него, на освещаемой огнями тропинке, я увидела Михаила и Дуброва, передающих по кругу бутылку. Я нахмурилась.

– Умоляю, только не говорите, что разбудили меня, чтобы сказать, что собираетесь пойти в палатку гришей. Чего вы хотите, совета?

– Ты не спала, а просто лежала и волновалась.

– Ошибаешься. Я думала, как бы проникнуть в шатер и найти себе милого корпориаала.

Мал рассмеялся. Я замешкалась у двери. Это была сама трудная часть пребывания рядом с ним, если не считать тех моментов, когда мое сердце выделявало унижительные акробатические трюки из-за его близости. Я терпеть не могла скрывать то, как сильно меня задевали его глупости, но мысль, что он узнает правду, была еще более невыносимой. И сейчас я серьезно задумалась над тем, чтобы просто развернуться и пойти внутрь. Вместо этого я проглотила свою ревность и села рядом с ним.

– Надеюсь, ты принес мне что-нибудь хорошенькое. Секреты соблазнения от Алины дорогого стоят.

Он улыбнулся.

– Запишешь на мой счет?

– Ладно. Но только потому, что ты и так в этом хорош.

Я уставилась в темноту и увидела, как Дубров сделал очередной глоток из бутылки и качнулся вперед. Михаил поддержал его рукой, и звук их смеха долетел к нам сквозь ночной воздух.

Мал покачал головой и вздохнул.

– Он всегда пытается поспеть за Михаилом. Наверняка закончится тем, что его вырвет мне на ботинки.

– Так тебе и надо, – ответила я. – Итак, что ты здесь делаешь?

Год назад, когда мы только начали нашу военную службу, Мал навещал меня почти каждую ночь. Но вот уже несколько месяцев, как он перестал приходить.

Парень пожал плечами.

– Не знаю. Ты выглядела такой несчастной за обедом.

Я была удивлена, что он заметил.

– Просто думала о переходе, – осторожно сказала я. Не то чтобы это была ложь. Я и *вправду* в ужасе от мысли, что скоро окажусь в Каньоне, а Малу совершенно не нужно знать о нашем с Алексеем разговоре. – Но я тронута твоей заботой.

– Эй, – проговорил он с улыбкой. – Я волнуюсь о тебе.

– Если тебе повезет, то волькра съест меня на завтрак, и тогда тебе не придется больше беспокоиться.

– Ты же знаешь, что я буду абсолютно потерян без тебя.

– Ты в жизни не терялся, – усмехнулась я. Я была картографом, но Мал мог определить в какой стороне север с завязанными глазами и стоя на голове. Он толкнул меня плечом.

– Ты знаешь, что я имел в виду.

– Конечно, – ответила я. Но это не так. Не совсем.

Мы сидели в тишине, глядя на то, как наше дыхание превращается в пар на холодном воздухе. Мал посмотрел на носки своих ботинок и сказал:

– Наверное, я тоже нервничаю.

Я пихнула его локтем и ответила с уверенностью, которой вовсе не чувствовала:

– Если мы выдержали Ану Кую, то и с парочкой волькр сможем справиться.

– Насколько я помню, в последний раз, когда мы виделись с Анной Куей, ты получила оплеуху и нас заставили убирать навоз в конюшне.

Я скривилась.

– Я тут, между прочим, пытаюсь обнадежить тебя. Мог бы и притвориться, что успешно.

– Знаешь, что самое смешное? – спросил он. – Я действительно периодически скучаю по ней.

Я сделала все возможное, чтобы скрыть свое изумление. Мы провели больше десяти лет своей жизни в Керамзине, но у меня складывалось впечатление, что Мал хотел бы забыть все

связанное с этим местом, возможно, даже меня. Там он был очередным беженцем, еще одним сиротой, который обязан быть благодарным за каждый кусочек еды и пару стоптанных ботинок. В армии же он выбил себе реальное место в обществе, где никому не нужно знать, что когда-то он был никому не нужным маленьким мальчиком.

– И я, – пришлось мне признать. – Мы могли бы написать ей.

– Возможно, – согласился Мал.

Внезапно он потянулся и взял меня за руку. Я постаралась не обращать внимания на небольшой разряд, прошедший по моему телу.

– Завтра в это же время мы будем сидеть в гавани Ос Керво, смотреть на океан и пить квас.

Я посмотрела на Дуброва, покачивающегося взад-вперед, и улыбнулась.

– Дубров покупает?

– Только ты и я, – ответил Мал.

– Seriously?

– Всегда только ты и я, Алина.

На мгновение мне показалось, что это правда. Мир сосредоточился на этой ступеньке, на круге света от лампы и на нас, скрытых в темноте.

– Пошли! – проревел Михаил с тропинки. Мал вздрогнул, как человек, которого только что разбудили. Он еще раз сжал мне руку и отпустил.

– Мне пора, – дерзкая улыбка снова вернулась на его лицо. – Постарайся заснуть.

Он легко спрыгнул со ступеньки и побежал к друзьям.

– Пожелай мне удачи! – крикнул он через плечо.

– Удачи, – машинально ответила я, и тут же захотела себя ударить.

«Удачи? Хорошо тебе провести время, Мал. Надеюсь, ты найдешь ту симпатичную девушку-гриша, безумно влюбишься в нее и вы сделаете кучу прелестных, до тошноты талантливых детишек».

Я замерла на ступеньках, глядя, как они исчезают, удаляясь все дальше и дальше, и все еще чувствуя тепло руки Мала.

«Ну что ж, – подумала я. – Может, он упадет в канаву по дороге туда».

Поспешив обратно в казарму, я плотно закрыла за собой дверь и быстро залезла под одеяло. Станет ли эта черноволосая девушка тайком убегать из шатра, чтобы встретиться с Малом? Я отмахнулась от этой мысли. Это не мое дело, и, если серьезно, я не хотела этого знать. Мал никогда не смотрел на меня, как на эту девушку, или даже как на Руби, и никогда не посмотрит. Важнее всего то, что мы все еще друзья.

«Но как долго вы ими пробудете?» – заныл голос в моей голове.

Алексей был прав: все меняется. Мал изменился к лучшему. Стал красивее, храбрее, самоувереннее. И... недоступнее.

Я вздохнула и перекатилась на другой бок. Хотелось бы верить, что мы с Малом всегда будем друзьями, но нужно признать, что у нас разные дороги.

Лежа в темноте в ожидании сна, я задумалась, будут ли эти дороги вести нас все дальше и дальше друг от друга, и настанет ли день, когда мы снова станем незнакомцами.

Глава 2

Утро прошло незаметно: завтрак, быстрая прогулка к картотеке, чтобы упаковать запасные чернила и бумагу, затем хаос у доков. Я ждала своей очереди с остальными топографами, чтобы загрузиться на один из кораблей маленькой флотилии землеходных скифов. Позади нас пробуждался Крибирск, готовясь заняться своими обычными делами. Впереди простиралась странная сгущающаяся тьма Каньона.

Животные были слишком шумными и слишком легко пугались, чтобы путешествовать на них по Неморю, поэтому переход осуществлялся на землеходных скифах – саниях, оснащенных огромными парусами, которые позволяли практически бесшумно скользить по сухим серым пескам. Скифы загрузили зерном, древесиной и необработанным хлопком, а на обратном пути мы будем везти сахар, ружья и всяческое добро, которое обычно проходит через морские порты Западной Равки.

Глядя на палубу, оборудованную только парусом да шаткими перилами, я думала только о том, что здесь негде спрятаться. На мачте каждого скифа, окруженные вооруженными до зубов солдатами, стояло по двое эфиреалов в синих кафтанах Ордена заклинателей. Серебряная отделка на их рукавах и кайма на мантиях указывала, что они шквальные – гриши, которые могли повышать и понижать давление воздуха, а также наполнять паруса скифа ветром.

Вооруженные ружьями солдаты, ведомые суровым офицером, выстроились вдоль перил. Между ними тоже стояли эфиреалы. Их синие мантии были украшены красной каймой, указывающей на то, что они могли вызывать огонь.

По сигналу капитана старший топограф завел меня, Алексея и остальных ассистентов на скиф, где мы присоединились к пассажирам. Затем он занял место рядом со Шквальными на мачте, где будет помогать им ориентироваться в темноте. В руке у капитана был компас, но от него будет мало проку, как только мы окажемся в Каньоне.

Оказавшись на палубе, я мельком увидела Мала, стоящего с остальными следопытами на другой стороне скифа. Они тоже были вооружены ружьями. Позади них расположились лучники, колчаны за их спинами были заполнены стрелами с наконечниками из стали гришей. Я дотронулась до рукояти армейского ножа, спрятанного за поясом. Особой уверенности он мне не добавлял.

С доков слышалась громогласная команда, и группы здоровенных мужиков начали толкать скифы в бесцветный песок, который доходил до самых дальних уголков Каньона. Они поспешно отходили назад, будто этот мертвый песок мог обжечь им ноги. Наступил и наш черед, и с неожиданно резким толчком наш скиф рванул вперед, скрипя по твердыни.

Я вцепилась в перила для равновесия, мое сердце бешено застучало. Шквальные подняли руки. Паруса раскрылись с громким хлопком, и скиф понесся к Каньону. Поначалу это было похоже на плавание в густом облаке дыма, но жара, запаха или огня нигде не было. Все звуки исчезли, и мир будто замер.

Я наблюдала, как скифы впереди нас скользнули в темноту, один за другим исчезая из виду. Тут я осознала, что больше не могу разглядеть нос нашего скифа или своих рук на перилах. Оглянувшись через плечо – живой мир просто испарился. Тьма клубилась вокруг нас: черная, невесомая, крошечная. Мы оказались в Каньоне.

Впечатление, будто стоишь у края мира. Я крепче схватилась за перила, чувствуя, как дерево врежется в ладонь, и радуясь его прочности. Я сосредоточилась на этом и на ощущении собственных пальцев ног в ботинках, крепко упертых в палубу. Слева доносилось тяжелое дыхание Алексея.

Я пыталась думать о вооруженных солдатах и гришах в синих мантиях. Пересекая Каньон, мы надеялись пройти тихо и незаметно – без выстрелов и вызова огня. Но присутствие

гришей все равно успокаивало. Не знаю, как долго это продолжалось; скифы скользили вперед, единственный раздававшийся звук – тихий шорох песка под днищем. Казалось, прошло всего пару минут, а, возможно, и пару часов.

«С нами все будет хорошо, – твердила я себе. – С нами все будет хорошо».

Затем я почувствовала руку Алексея, он попытался нащупать мою. Парень схватил меня за запястье.

– Слушай! – прошептал он хриплым от ужаса голосом.

Сначала я слышала лишь прерывистое дыхание и шорох скифа. Затем откуда-то из темноты послышался другой звук, слабый, но неумолимо надвигающийся: ритмичное хлопанье крыльев. Одной рукой я вцепилась в Алексея, а другой – в рукоятку ножа. Мое сердце пустилось в галоп, а глаза напрягались, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь в темноте. Я слышала щелчки взводимых курков и шелест натягиваемых луков.

– Приготовьтесь, – прошептал кто-то.

Мы ждали, прислушиваясь к шуму рассекающих воздух крыльев, становившемуся все громче с их приближением, как бой барабанов надвигающейся армии. Мне показалось, что я почувствовала дуновение ветра на щеках, когда *они* начали нас окружать; все ближе и ближе...

– Огонь! – прозвучала команда, за которой последовал треск кремня о камень и взрывной свист – яркая рябь от пламени гришей вспыхнула на каждом из скифов. Я зажмурилась от внезапного света и стала ждать, пока глаза привыкнут. В свете огня увидела *их*.

Обычно волькры передвигаются маленькими группками, но сейчас здесь были... не десятки, а даже сотни тварей, зависших и парящих в воздухе вокруг скифов. Они были самыми пугающими существами, которых я когда-либо видела в книгах или могла себе вообразить. Последовали выстрелы. Полетели стрелы, и воздух разорвали вопли волькр – громкие и жуткие. Они нырнули вниз.

Я услышала пронзительный крик и с ужасом наблюдала, как ноги солдата оторвались от земли и его тело поднялось в воздух, несмотря на попытки бороться. Мы с Алексеем прижались друг к другу и согнулись под перилами, вцепившись в наши жалкие ножики и бормоча молитвы, пока мир погружался в кошмар.

Со всех сторон раздавались вопли и выстрелы. Солдаты отбивались от огромных извивающихся крылатых тварей, а неестественная темнота Каньона нарушалась золотыми всплесками пламени гришей. Затем крик разорвал воздух рядом со мной. Я ахнула, и рука Алексея выскользнула из моей. В свете огненной вспышки я увидела, как другой рукой он цепляется за перила. Его рот был разzyвлен в крике, глаза полны паники, а чудовищное создание, схватившее его своими блестящими серыми лапами, било крыльями и поднимало его в воздух. Толстые когти твари глубоко вонзились парню в спину, тут же испачкавшись в крови. Пальцы Алексея соскользнули с перил. Я бросилась вперед и схватила его за руку.

– Держись!

Затем огонь исчез, и в темноте я почувствовала, как ладонь парня освобождается из моей хватки.

– Алексей!

Его крики заглушили звуки битвы, и волькра унесла парня во мрак. Очередной всплеск пламени осветил небо, но их уже и след простыл.

– Алексей! – вновь выкрикнула я, перегнувшись через край перил. – Алексей!

В ответ последовало хлопанье крыльев еще одной волькры, летевшей за мной. Я попятилась назад, едва избежав лап чудовища, и выставила перед собой нож, сжимая его дрожащими руками. Волькра кинулась вперед, свет огня отразился в ее белесых незрячих глазах, а в раскрытой пасти виднелись ряды острых черных зубов.

Краем глаза я заметила вспышку пороха и услышала выстрел. Волькра сбилась с траектории и завывала от ярости и боли.

– Шевелись! – это был Мал с ружьем в руке, его лицо испачкалось кровью.

Он схватил меня за руку и спрятал за себя. Волькра продолжала приближаться, цепляясь когтями за палубу, одно ее крыло было согнуто под странным углом. Мал пытался перезарядить винтовку в свете пламени, но тварь оказалась проворнее. Она набросилась на нас, клацая челюстями и терзая когтями грудь моего друга. Тот закричал от боли. Я схватила чудовище за сломанное крыло и глубоко воткнула нож между лопаток.

Ее мускулистая плоть была склизкой. Тварь закричала и начала вырываться из моей хватки, повалив меня на палубу. В исступлении гнева волькра бросилась на меня, распахнув свою огромную пасть. Прозвучал еще один выстрел. Чудовище споткнулось и опрокинулось на палубу, изо рта хлынула черная кровь. В туманном свечении я увидела, как Мал опустил оружие. Его порванная рубашка потемнела от крови. Винтовка выскользнула из рук, и парень покачнувшись, упал на колени, а затем плашмя на палубу.

– Мал! – я тут же подбежала к нему, нажимая руками на грудь в отчаянной попытке остановить кровотечение. – Мал! – по моему лицу потекли слезы.

Воздух наполнился запахом крови и пороха. Вокруг нас слышались выстрелы, крики... и отвратительные чавкающие звуки. Огни гришей ослабевали, вспыхивали реже, и, что хуже всего, скифы перестали двигаться.

«Вот и все», – безнадежно подумалось мне.

Склонившись над Малом, я продолжала зажимать рану. Его дыхание было прерывистым.

– Они приближаются, – выдохнул парень.

Я подняла голову и в угасающем свечении пламени гришей увидела двух волькр, пикирующих на нас. Я накрыла Мала своим телом, понимая, что это бесполезно, но больше мне ничего не оставалось. Я ощутила зловонный запах волькры и движение воздуха от ее крыльев. Прижавшись лбом к Малу, услышала его шепот:

– Я буду ждать тебя на лугу...

Что-то внутри меня прорвалось: от ярости, от безнадежности, от неминуемости скорой смерти. Я почувствовала кровь друга на своих ладонях, увидела боль на любимом лице. Волькра издала победный вопль и вонзила когти мне в плечо. Тело прострелила боль.

И весь мир побелел.

Я закрыла глаза от вспышки пронзительно-яркого света, взорвавшегося передо мной. Казалось, он заполнил мою голову, ослепил, оглушил. Откуда-то сверху послышался жуткий вопль. Я ощутила, что волькра ослабила хватку на моем плече, и потом глухой удар, с которым моя голова стукнулась о палубу. После этого я уже ничего не чувствовала.

Глава 3

Я очнулась от толчка. Ощувив дуновение ветра на коже, я открыла глаза и увидела перед собой нечто похожее на темные клубы дыма. Я лежала на спине на палубе скифа. Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать, что пелена дыма стала рассеиваться и между темными ключьями проглядывает яркое осеннее солнце. Я снова закрыла глаза и вздохнула с облегчением. «Мы на пути из Каньона, – подумала я. – Не знаю как, но нам удалось пробраться».

Или нет? Воспоминания о нападении волькр затопили мое сознание. Где Мал? Я попыталась сесть, и боль пронзила мои плечи. Игнорируя ее, я оттолкнулась от палубы и обнаружила, что оказалась нос к носу со стволом винтовки.

– Уберите от меня эту штуку, – рявкнула я, отпихивая оружие прочь. Солдат вернул винтовку на место, угрожающе тыча ею в меня.

– Не двигайся, – приказал он.

Я удивленно уставилась на него.

– Да что с тобой такое?

– Она очнулась! – крикнул тот через плечо. К нему подошли еще два вооруженных солдата, капитан скифа и корпорялка, – с нарастающим волнением я заметила, что рукава ее красного кафтана были вышиты черным. Чего от меня хочет сердцебитка? Я огляделась. Шквальный все еще стоял у мачты с поднятыми руками, направляя нас потоком сильного ветра, рядом с ним находился всего один солдат. Палуба была местами запятнана кровью.

Мой желудок скрутило, стоило вспомнить жуткую битву. Целитель-корпорял ухаживал за ранеными. Где Мал? У перил стоял гриш и солдаты: окровавленные, обожженные и в значительно меньшем количестве, чем в момент отплытия. Все настороженно поглядывали на меня.

С нарастающим страхом я осознала, что солдаты и корпорял на самом деле стерегли меня. Как пленницу.

– Мал Оретцев. Он следопыт и был ранен во время нападения. Где он? – спросила я.

Никто ни слова не проронил.

– Прошу вас, ответьте, – начала умолять я. – Где он?

Последовал толчок – скиф сел на мель. Капитан указал на меня винтовкой.

– Встань.

Я подумывала продолжить сидеть, пока они не скажут, что случилось с Малом, но один взгляд на сердцебитку заставил меня передумать. Я поднялась, морщась от боли в плече, и споткнулась, поскольку скиф снова начал двигаться, подталкиваемый рабочими дока. Инстинктивно потянувшись, чтобы восстановить равновесие, но солдат, которого я коснулась, дернулся так, будто я его обожгла. Мне удалось справиться самостоятельно, но мысли путались все сильнее. Скиф вновь покачнулся.

– Двигай! – скомандовал капитан.

Солдаты вели меня на расстоянии вытянутой винтовки. Я прошла мимо других выживших, поймав их любопытные, испуганные взгляды, а еще заметила, как старший топограф что-то взволнованно рассказывает солдату. Хотелось остановиться и рассказать ему о том, что случилось с Алексеем, но я не осмелилась.

Ступив на сушу, я с удивлением поняла, что мы вернулись в Крибирск. Мы даже не пересекли Каньон. Я вздрогнула. Но лучше уж маршировать по лагерю с приставленной к спине винтовкой, чем быть в Неморе.

«Не намного лучше», – пришла в голову мысль.

Когда солдаты вели меня по главной дороге, люди бросали свои дела и открыто глазели на меня. Мой мозг лихорадочно работал, пытаюсь найти ответы, но безуспешно. Я натворила что-

то страшное в Каньоне? Нарушила какой-то военный протокол? И вообще, как мы выбрались оттуда?

Раны на плечах пульсировали. Последнее, что я помнила, была ужасная боль от когтей волькры, царапающих мне спину, а затем яркая вспышка света. Как мы выжили?

Эти мысли испарились из моей головы, стоило нам подойти к палатке офицеров. Капитан приказал охране остановиться и приблизился ко входу. Корпорялка протянула руку, чтобы остановить его.

– Это пустая трата времени. Мы должны немедленно отвести ее к...

– Убери от меня руки, кровопускательница, – отрезал капитан и высвободился. Корпорялка рассматривала его с секунду, в ее глазах читалась опасность, но затем она холодно улыбнулась и поклонилась.

– Да, капитан.

Волоски на моих руках встали дыбом. Капитан исчез в палатке, и мы остались ждать. Я нервно оглянулась на корпорялку, которая, видимо, забыла о своей перепалке с капитаном и вновь начала меня разглядывать. Она была молода, возможно даже моложе меня, но это не помешало ей бросить вызов старшему по званию. Да и с чего бы? Она могла убить капитана на месте, даже не подняв оружия.

Я терла руки, пытаюсь унять холод, поднимающийся во мне. Полог палатки распахнулся, и я с ужасом увидела, что капитан вышел в сопровождении угрюмого полковника Раевского. Что же такого я могла натворить, что требовало бы вмешательства высшего офицерского звена?

Полковник окинул меня взглядом, его обветренное лицо было мрачным.

– Кто ты?

– Помощник картографа Алина Старкова. Королевский корпус топографов...

Он перебил:

– *Кто* ты?

Я недоуменно заморгала.

– Я... я картограф, сэр.

Раевский нахмурился. Отозвал в сторонку одного из солдат и что-то пробормотал ему, после чего тот поспешил обратно к докам.

– Пошли, – сухо продолжил офицер, обращаясь ко мне.

Я почувствовала толчок винтовки в спину и двинулась вперед. У меня было очень плохое предчувствие насчет того, куда меня веля.

«Не может быть», – думала я в отчаянии. – Это какая-то бессмыслица».

Но когда перед нами появилась огромная черная палатка, не осталось никаких сомнений. Вход в шатер гришей охранялся сердцебицами и опричниками, облаченными в форму цвета древесного угля – элитные солдаты из личной охраны Дарклинга. Опричники не были гришами, но пугали не меньше.

Корпорялка со скифа посовещалась с охраной у палатки, а затем исчезла внутри вместе с полковником Раевским. Я ждала, сердце бешено колотилось, вокруг перешептывались и глазели, и мое беспокойство росло. Высоко надо мной трепетали на ветру флаги: синий, красный, фиолетовый, а над всеми ними – черный.

Еще прошлой ночью Мал и его друзья смеялись над предположениями, как можно пробраться в эту палатку, и гадали, что они найдут внутри. Похоже, мне предстоит это узнать.

«Где же Мал?»

Этот вопрос преследовал меня – единственная ясная мысль, которую удалось сформулировать.

Казалось, прошла вечность, прежде чем корпорялка вернулась и кивнула капитану, который провел меня в палатку гришей. На секунду все мои страхи исчезли, их затмила окру-

жившая меня красота. Изнутри стены палатки были украшены каскадами бронзового шелка, ловившего сияние от свечей в люстре. Полы были покрыты богатыми коврами и мехами. Блестящие шелковые перегородки делили пространство вдоль стен на отсеки, в которых собрались гриши в своих ярких кафтанах.

Некоторые стояли и разговаривали, другие устроились на подушках и пили чай. Двое склонились над партией в шахматы. Откуда-то послышался звук рвущейся струны балалайки. Поместье князя было красивым, но то была меланхоличная красота пыльных комнат и облупившейся краски; слабое эхо былой роскоши. Шатер гришей не походил ни на одно из мест, что мне доводилось видеть – сам воздух был пропитан могуществом и богатством. Солдаты провели меня по длинной ковровой дорожке, в конце которой виднелся черный павильон на возвышении.

По палатке понеслась волна любопытства. Мужчины и женщины замолкали на полуслове, чтобы посмотреть на меня; некоторые даже привстали и вытянули шеи. К тому моменту, как мы дошли до возвышения, комната погрузилась в тишину, и я была уверена, что все слышали стук моего сердца.

Перед черным павильоном несколько министров в богатом облачении с королевским гербом – двуглавым орлом – и группка корпоралов собрались вокруг длинного стола с развернутыми картами. Во главе стола стоял стул с высокой спинкой из чернейшего дерева и искусной резьбой. На нем развалившись сидел парень в черном кафтане. Его подбородок покоился на бледной ладони. Лишь один гриш носил черное... лишь одному *позволялось* носить черное. Полковник Раевский встал рядом с ним и начал что-то тихо говорить. Я смотрела на фигуру в черном, разрываясь между страхом и благоговением.

«Он слишком молод».

Этот Дарклинг командовал гришами еще до моего рождения, но человек, сидевший на помосте, выглядел ненамного старше меня. У него были тонкие черты лица, густые черные волосы и ясные серые глаза, мерцающие, словно кварц. Я знала: чем гриш сильнее, тем дольше он живет. Дарклинги были самыми сильными из всех, но я чувствовала в этом неправильность и помнила слова Евы: «Он неестественный. Как и все предыдущие».

Высокий, звенящий смех зазвучал в толпе, образовавшейся около меня у подножья. Я узнала красавицу в синем кафтане, ту самую из экипажа эфиреалов, которая так увлеклась Малом. Она прошептала что-то своей подруге с каштановыми волосами, и обе захохотали снова.

Мои щеки загорелись, когда я представила, какой у меня вид в порванном старом пальто, особенно после путешествия в Тенистый Каньон и битвы со стаей голодных волькр. Но все равно задрала подбородок и посмотрела красавице прямо в глаза.

«Смейся сколько влезет, – мрачно подумала я. – О чем бы вы ни болтали, я и похуже слышала».

Она на секунду задержала на мне взгляд, а затем отвернулась. Я наслаждалась коротким приливом удовлетворения, прежде чем голос полковника Раевского вернул меня к реальности.

– Приведите их, – сказал он.

Я повернулась, чтобы увидеть очередных солдат, ведущих побитых и озадаченных людей по проходу в палатку. Среди них я заметила солдата, стоявшего рядом со мной, когда напала волькра, и старшего картографа – его обычно чистое пальто было рваным и грязным, а лицо – напуганным.

Мое беспокойство только возросло, когда я поняла, что все они – выжившие с моего скифа, и что их привели к Дарклингу в качестве свидетелей. Что же случилось в Каньоне? Что, по их мнению, я натворила?

У меня перехватило дыхание, когда я опознала своих друзей в группе следопытов. Первым заметила Михаила, чья рыжеволосая башка покачивалась над толпой на толстой шее, а на

него опирался очень бледный и изможденный *Мал*. В прорехах его окровавленной рубашки видны были бинты.

Я почувствовала, что у меня подкашиваются ноги, и я прижала ладонь ко рту, чтобы подавить всхлип. Мал жив! Я хотела протолкнуться сквозь толпу и обнять его, но мне оставалось лишь смотреть. Меня накрыла волна облегчения. Что бы там ни случилось, мы будем в порядке. Мы пережили Каньон и переживем это безумие.

Я обернулась к помосту, и вся радость испарилась. Дарклинг смотрел прямо на меня. Он все еще слушал полковника Раевского, его поза была такой же расслабленной, как раньше, но напряженный взгляд был сосредоточен на мне. Когда он снова повернулся к полковнику, я поняла, что задержала дыхание.

Потрепанная группка выживших дошла до подножья помоста, и полковник Раевский приказал:

– Капитан, докладывайте.

Тот встал и ответил безразличным тоном:

– Примерно на тридцатой минуте переплава на нас напала большая стая волькр. Они окружили нас, и мы несли тяжелые потери. Я боролся на правом борту скифа. В этот момент я увидел... – мужчина замешкался, а затем продолжил уже менее уверенным голосом. – Не знаю, что именно я видел. Вспышку света. Ясную, как день, даже ярче. Будто я смотрел на солнце.

Толпа зашептала. Выжившие со скифа кивали, и я обнаружила, что киваю вместе со всеми. Солдат рявкнул, чтобы все замолчали, и продолжил:

– Волькры скрылись, и свет исчез. Я немедленно приказал вернуться к докам.

– А девчонка? – спросил Дарклинг.

С холодным уколом страха я поняла, что он говорит обо мне.

– Я не видел девчонку, мой суверенный.

Дарклинг приподнял бровь, поворачиваясь к остальным выжившим.

– Кто на самом деле видел, что произошло? – его голос был безразличным, далеким, почти незаинтересованным.

Те погрузились в тихую дискуссию друг с другом. Затем медленно и робко вперед вышел старший картограф. Я почувствовала резкий приступ жалости. Никогда не видела его таким потрепанным. Его редкие темные волосы торчали во все стороны, пальцы нервно теребили край порванного пальто.

– Расскажи нам, что ты видел, – приказал Раевский.

Картограф облизал губы.

– Нас... нас атаковали, – робко начал он. – Каждый отбивался, как мог. Много шума. Много крови... Один из парней, Алексей, был убит. Это ужасно, ужасно, – его руки дрожали, как две трепещущие птички. Я нахмурилась. Если картограф видел, как на Алексея напали, почему не попытался помочь? Старик прочистил горло: – Они были повсюду. Я видел, как одна тварь направилась к ней...

– К кому? – спросил Раевский.

– К Алине... Алине Старковой, одной из моих помощниц.

Красавица в синем усмехнулась и наклонилась к подружке, чтобы прошептать той что-то на ухо. Я сжала челюсть. Как приятно знать, что гриши оставались снобами даже в разгар повествования о нападении волькр!

– Продолжай, – настаивал Раевский.

– Я видел, как одна тварь направилась к ней и следопыту, – сказал картограф, указывая на Мала.

– А где были вы? – рассерженно поинтересовалась я. Вопрос слетел с моего языка раньше, чем я смогла его обдумать. Все повернулись, чтобы посмотреть на меня, но мне было плевать. –

Вы видели, что волькра напала на нас. Видели, как эта тварь схватила Алексея. Почему не помогли нам?

– Я ничего не мог поделать, – взмолился он, широко разведя руки. – Они были повсюду. Настоящий хаос!

– Алексей мог бы выжить, если бы вы подняли свою костлявую задницу и помогли нам!

Из толпы послышались ахи и смех. Картограф покраснел от злости, и я немедленно пожалела о сказанном. Если выберусь из этой кутерьмы, меня ждут большие неприятности...

– Довольно! – прогремел Раевский. – Расскажи, что ты видел, картограф.

Толпа притихла, и он вновь облизал губы.

– Следопыт упал, она была рядом. К ним летела волькра. Я увидел, как эта тварь напала на девчонку, и она... она засветилась.

Гриши разразились возгласами недоверия и насмешками. Некоторые открыто хохотали. Не будь я такой напуганной и сбитой с толку, то присоединилась бы к ним.

«Может, не стоило быть с ним такой суровой, – подумала я, глядя на помятого мужчину. – Бедняга явно стукнулся головой во время битвы».

– Я видел! – прокричал он сквозь шум. – Свет шел из нее!

Некоторые гриши открыто издевались над ним, но остальные кричали: «Дайте ему сказать!» Отчаявшийся картограф оглянулся за поддержкой на своих выживших приятелей, и, к моему изумлению, некоторые из них кивнули. Все сошли с ума? Они на самом деле считали, что я отпугнула волькр?

– Это абсурд! – крикнул голос из толпы. Это была красotka в синем. – На что ты намекаешь, старик? Что нашел нам заклинательницу Солнца?

– Я ни на что не намекаю, – запротестовал он. – Лишь говорю то, что видел!

– Это не невозможно, – сказал грузный гриш. На нем был фиолетовый кафтан субстанциала, члена Ордена фабрикаторов. – Существуют легенды...

– Не будь глупцом! – девушка рассмеялась, ее голос был полон презрения. – Волькра лишила старика остатков разума!

Толпа разразилась громкими спорами. Внезапно я почувствовала себя очень уставшей. Мое плечо пульсировало в месте, куда волькра вонзила свои когти. Я не знала, что там картограф и все остальные думали, что видели. Я знала только то, что это была какая-то ужасная ошибка, и в конце этого фарса именно у меня будет глупый вид. Я скривилась от мысли обо всех издевках, которые мне придется терпеть по окончании. Надеюсь, оно скоро наступит.

– Тишина, – Дарклинг едва повысил голос, но команда полоснула по толпе и наступило молчание.

Я подавила дрожь. Ему эта шутка может показаться не такой уж смешной. Оставалось молиться, что он не станет винить во всем меня. Дарклинг не славился милосердием. Может, мне стоит меньше беспокоиться об издевках и больше о том, чтобы меня не изгнали из Цибей? Или того хуже... Ева рассказывала, что однажды Дарклинг приказал целителям-корпоралам навсегда запечатать рот предателю. Губы мужчины были склеены вместе, и он умер от голода. В то время мы с Алексеем рассмеялись и отнеслись к этому как к очередной сумасбродной истории Евы. Теперь же я не была так уверена.

– Следопыт, – тихо сказал Дарклинг, – что видел ты?

Все как один повернулись к Малу, глядевшему на меня с тревогой. Затем он перевел взгляд на Дарклинга.

– Ничего. Я ничего не видел.

– Девчонка была прямо рядом с тобой.

Мал кивнул.

– Ты должен был что-то видеть.

Он снова посмотрел на меня, его взгляд был полон беспокойства и усталости. Никогда не видела его таким бледным. Сколько же крови он потерял? Я почувствовала прилив бессильной ярости. Он был серьезно ранен! Ему нужно отдыхать, а не стоять здесь и отвечать на глупые вопросы!

– Просто скажи, что ты помнишь, следопыт, – приказал Раевский.

Мал слегка пожал плечами и скривился от боли.

– Я лежал на палубе. Алина была рядом. Я видел, как волькра спикировала вниз, и понял, что она летит к нам. Я что-то сказал и...

– Что ты сказал? – холодный голос Дарклинга прозвучал, как гром в комнате.

– Не помню, – ответил Мал. Я узнала упрямый абрис его челюсти и догадалась, что он лжет. Он все помнил. – Я учуял волькру, когда та кинулась на нас. Алина закричала, и больше я ничего не видел. Весь мир просто... засиял.

– Так ты не видел, откуда исходил свет? – спросил Раевский.

– Алина не... Она не могла... – Мал покачал головой. – Мы из одной... деревни. – Я заметила эту крошечную паузу, присущую всем сиротам. – Если бы она могла вытворять нечто подобное, я бы знал.

Дарклинг долгое время смотрел на Мала, а затем перевел взгляд на меня.

– У всех нас есть секреты, – сказал он.

Мал открыл рот, будто хотел что-то добавить, но Дарклинг поднял руку, чтобы тот умолк. На лице друга вспыхнула злость, но он промолчал, сжав губы в угрюмую линию.

Дарклинг поднялся со стула. По взмаху его руки солдаты отступили, оставляя меня один на один с ним. В шатре стало пугающе тихо. Он медленно спустился по ступенькам. Мне пришлось бороться с желанием попятиться, когда мы встали лицом к лицу.

– Итак, что *ты* скажешь, Алина Старкова? – приветливо спросил он.

Я сглотнула. В горле пересохло, а сердце забилось быстрее, но я знала, что должна ответить. Должна заставить его понять, что я здесь ни при чем.

– Это какая-то ошибка, – хрипло ответила я. – Я ничего не делала. И не знаю, как мы выжили.

Дарклинг, похоже, стал обдумывать мои слова. Затем сложил руки на груди и склонил голову вбок.

– Итак, – продолжил он, погруженный в свои мысли. – Мне нравится думать, что я знаю обо всем, что происходит в Равке, и если бы в моей стране жила заклинательница Солнца, я был бы об этом осведомлен, – толпа согласно забормотала, но он проигнорировал их, внимательно наблюдая за мной. – Но *что-то* могущественное остановило волькр и спасло королевский скиф. – Он замолчал, будто ждал, что я решу эту головоломку за него.

Я упрямо подняла подбородок.

– Я ничего не делала. Абсолютно ничего.

Уголки губ Дарклинга дернулись, будто он пытался подавить улыбку, ощупывая меня взглядом с головы до ног. Я почувствовала себя блестящей побрякушкой: словно диковинка, выброшенная на берег озера, которую он может пнуть своим ботинком.

– Твоя память столь же ненадежна, как и у твоего друга? – он кивнул на Мала.

– Я не... – запнулась. *Что* я помнила? Ужас. Тьму. Боль. Кровь Мала. Жизнь покидала его под моими руками. Ярость, наполнившая меня при мысли о собственной беспомощности.

– Вытрани свою руку, – приказал Дарклинг.

– Что?

– Мы потратили уже достаточно времени. Вытрани руку.

Холодный укол страха пронзил меня. Я в панике огляделась вокруг, но помощи искать было неоткуда. Солдаты с каменными лицами смотрели перед собой. Выжившие со скифа выглядели напуганными и усталыми. Гриши поглядывали на меня с любопытством. Девушка в

синем ухмылялась. Лицо Мала стало еще бледнее, но в его обеспокоенном взгляде не читался ответ. Дрожа от страха, я протянула свою левую руку.

– Закатай рукав.

– Я ничего не делала.

Я собиралась сказать это громко, провозгласить это, но мой голос звучал тихо и испуганно. Дарклинг смотрел на меня, ожидая. Я закатала рукав. Он вытянул руки, и меня охватил ужас при виде того, как его ладони наполняются чем-то черным, что собиралось и клубилось в воздухе, как чернила в воде.

– Теперь, – сказал он все тем же тихим, успокаивающим голосом, будто мы сидели за чаепитием, а я не дрожала перед ним от страха, – давай посмотрим, на что ты способна.

Он соединил ладони, и послышался звук, похожий на раскат грома. Волны тьмы, исходящие от его сложенных ладоней, накатили на меня и толпу черной волной. Я ослепла. Комната исчезла. Все исчезло. Я закричала от ужаса, почувствовав, как пальцы Дарклинга сжимаются на моем открытом запястье.

Внезапно мой страх отступил. Он все еще был внутри, свернувшийся в уголке, как животное, но его потеснило нечто спокойное, уверенное и мощное... а также смутно знакомое. Я услышала внутренний зов, и, удивительно, но что-то во мне начало подниматься в ответ. Я пыталась подавить это, затолкать обратно внутрь себя. Каким-то образом я знала: если эта штука освободится – мне конец.

– Ничего? – пробормотал Дарклинг. Я вдруг осознала, насколько близко ко мне он стоял в темноте.

Мой испуганный разум вцепился в эти слова: *«Ничего. Правильно, там ничего нет. Совсем ничего. А теперь оставь меня!»*

К моему облегчению, это нечто, ведущее борьбу внутри меня, отступило, оставляя зов Дарклинга без ответа.

– Не так быстро, – прошептал он.

Что-то холодное прижалось к внутренней части моей руки. В тот же момент до меня дошло, что это нож и его лезвие режет мне кожу. Я словно окунулась в омут боли и страха и не смогла сдержать крик. Эта штука внутри меня взревела и рванула на поверхность. Я не могла себя остановить... и ответила на клич Дарклинга. Мир вспыхнул ослепляющим белым светом. Тьма раскалывалась вокруг нас, как стекло. На мгновение я увидела лица в толпе: они открывали рты от удивления, когда палатка наполнилась сиянием, а воздух замерцал от жары.

Затем Дарклинг отпустил меня, и с его прикосновением ушло овладевшее мной чувство уверенности. Белоснежные лучи исчезли, оставляя вместо себя свет от обычных свечек, но я все еще чувствовала тепло и необъяснимое мерцание солнца на своей коже. Мои ноги подкопились, и Дарклинг поймал меня, прижимая к своему телу одной удивительно сильной рукой.

– Похоже, ты только с виду серая мышка, – прошептал он мне на ухо, а затем подозвал одного из своих личных стражей. – Уведи ее, – приказал он, передавая меня опричнику, протянувшему руку, чтобы помочь мне. Я покраснела от унижения – меня передали, как мешок с картошкой, но я была слишком напугана и сбита с толку, чтобы сопротивиться.

Из пореза, которым одарил меня Дарклинг, текла кровь.

– Иван! – прокричал он. Высокий сердцеебик поспешил с помоста к своему господину. – Отведи ее к моему экипажу. Я хочу, чтобы ее постоянно охранял вооруженный страж. Отвези ее в Малый дворец, и ни в коем случае не останавливайтесь. – Иван кивнул. – И пусть целитель осмотрит ее раны.

– Подождите! – возразила я, но Дарклинг уже отвернулся. Я вцепилась в его руку, игнорируя ахи от наблюдавших за нами гришей. – Произошла какая-то ошибка! Я не... Я не та... – мой голос затих, когда Дарклинг медленно повернулся. Взгляд серых глаз остановился там, где

я хваталась за его рукав. Я отпустила его, но так просто сдаваться не собиралась. – Я не та, кем вы меня считаете.

Дарклинг подошел ближе ко мне и ответил так тихо, что только я могла его услышать:

– Сомневаюсь, что ты имеешь хоть малейшее представление, кто ты такая, – затем кивнул Ивану. – Иди!

Дарклинг вновь повернулся ко мне спиной и быстро пошел на возвышение, где был немедленно окружен советниками и министрами, которые начали наперебой что-то громко и быстро ему говорить.

Иван грубо схватил меня за руку.

– Пошли!

– Иван, – позвал Дарклинг, – следи за своим тоном. Она теперь гриш.

Тот слегка покраснел и поклонился, но его хватка на моей руке не ослабла, когда он повел меня по проходу.

– Вы должны выслушать меня, – воскликнула я, пытаясь поспеть за его широкими шагами. – Я не гриш. Я картограф. И то не очень хороший.

Иван проигнорировал мою реплику. Я оглянулась через плечо, осматривая толпу. Мал спорил с капитаном скифа. Будто почувствовав, что я смотрю на него, он поднял голову и встретился со мной взглядом. Я видела, как мои паника и недоумение отразились на его бледном лице. Мне хотелось закричать, броситься к нему, но в следующее мгновение он исчез, поглощенный толпой.

Глава 4

Слезы разочарования навернулись у меня на глазах, пока Иван тащил меня через шатер на выход, к дневному свету. Мы спустились с пологого холма к дороге, где уже ждал черный экипаж Дарклинга, окруженный кольцом эфиреалов на конях и прикрытый по бокам вооруженной кавалерией. Двое стражей в сером ждали у дверцы кареты вместе с женщиной и седовласым мужчиной, которые носили красные кафтаны корпориалов.

– Залезай, – приказал Иван. Затем, вспомнив указания своего господина, добавил: – Будьте так любезны.

– Нет.

– Что? – казалось, он искренне удивлен. Другие корпориалы выглядели шокированными.

– Нет! – повторила я. – Я никуда не поеду. Произошла какая-то ошибка. Я...

Иван прервал меня, крепко схватив за руку.

– Дарклинг не ошибается, – процедил он сквозь зубы. – Садись в карету.

– Я не хочу...

Иван опустил голову так, что его нос оказался в паре дюймов от моего, и практически сплюнул:

– Думаешь, меня заботит, чего ты хочешь? Через пару часов каждый фьерданский шпион и шуханский ассасин будет знать, что случилось в Каньоне, и они придут за тобой. Наш единственный шанс – доставить тебя в Ос Альту и спрятать за стены дворца до того, как все поймут, кто ты такая. А теперь – *садись в карету*.

Он втолкнул меня в экипаж и сам последовал за мной и сел на противоположное сиденье, демонстрируя отвращение. Остальные корпориалы присоединились к нему, а опричники устроились с двух сторон от меня.

– Так я – пленница Дарклинга?

– Ты под его защитой.

– В чем разница?

Выражение лица Ивана было невозможно прочесть.

– Молись, чтобы никогда не узнать.

Я нахмурилась и откинулась на мягком сиденье, тут же зашипев от боли – я совсем забыла о своих ранах.

– Осмотри ее, – сказал Иван женщине-корпориалке. Серая вышивка на ее манжетах свидетельствовала о ее принадлежности к целителям. Она поменялась местами с опричником и села рядом со мной. В дверцу сунул голову солдат.

– Мы готовы.

– Отлично, – ответил Иван. – Будьте начеку и не останавливайтесь.

– Мы остановимся лишь раз, чтобы сменить лошадей. Если это случится раньше, вы поймете, что что-то не так.

Солдат исчез, закрыв за собой дверь. Возница не мешкал. С окриком и взмахом хлыста экипаж двинулся вперед. Меня охватила паника. Что со мной происходило? Я подумывала просто распахнуть дверцу и сбежать. Но куда? Карета была окружена вооруженными мужчинами и находилась посреди военного лагеря. И даже если бы все было иначе, куда я могла пойти?

– Пожалуйста, сними свое пальто, – попросила женщина.

– Что?

– Мне нужно осмотреть раны.

Я думала отказаться, но какой смысл? Неловко поводя плечами, я сняла пальто и позволила целительнице спустить рубашку. Корпориалы были Орденом живых и мертвых. Я пыта-

лась сосредоточиться на части про «живых», но меня никогда раньше не лечил гриш, и все мышцы в теле напряглись от страха. Она вытащила что-то из небольшой сумки, и резкий химический запах заполнил карету.

Я дернулась при промывке раны и впиалась пальцами в колени. Когда женщина закончила, я почувствовала теплое покалывание между плечами и сильно прикусила губу: желание почесать спину было почти невыносимым. Наконец целительница остановилась и натянула рубашку на место. Я осторожно подвигала плечами. Боль исчезла.

– Теперь руку, – сказала она.

Я почти забыла о порезе от ножа Дарклинга, но мое запястье и рука были липкими от крови. Целительница промыла порез, а затем подняла мою руку к свету.

– Постарайся не шевелиться, – сказала она, – или останется шрам.

Я пыталась изо всех сил, но качка кареты мешала. Женщина медленно провела рукой по ране. Я почувствовала, как моя кожа пульсирует от тепла. Рука дико зачесалась, пока я пораженно наблюдала, как две части пореза с мерцанием соединяются и заживают.

Зуд прекратился, и целительница отодвинулась. Я коснулась руки – на месте пореза остался небольшой шрам, но и только.

– Спасибо, – восхищенно вымолвила я.

Целительница кивнула.

– Дай ей свой кафтан, – сказал ей Иван.

Женщина нахмурилась, но колебалась лишь мгновение, прежде чем снять свой красный кафтан и передать его мне.

– Зачем? – спросила я.

– Просто возьми, – прорычал Иван.

Я повиновалась. Лицо целительницы ничего не выражало, но я видела, что ей больно расставаться с мантией. Прежде чем я смогла решить, предлагать ли ей свое заляпанное кровью пальто, Иван постучал по потолку кареты и экипаж начал замедляться.

Целительница даже не подождала, пока тот остановится, открыла дверь и выпрыгнула наружу. Иван закрыл дверцу обратно. Опричники вновь сели по бокам от меня, и мы снова двинулись в путь.

– Куда она ушла? – спросила я.

– Обратно в Крибирск, – ответил Иван. – Мы будем ехать быстрее без лишней тяжести.

– Ты выглядишь тяжелее нее, – пробурчала я.

– Надень кафтан.

– Зачем?

– Он сделан из ткани субстанциалов и может выдержать удар пули.

Я уставилась на него. Это вообще возможно? Были сказки о том, как гриши выдерживали прямые выстрелы и выживали, хотя раны должны были быть фатальными. Я никогда не воспринимала это всерьез, но, возможно, работа фабрикаторов была правдой, скрытой за крестьянскими рассказами.

– Вы все их носите? – спросила я, надевая кафтан.

– Когда находимся на поле битвы, – ответил опричник. Я чуть не подпрыгнула. Стражи впервые заговорили.

– Просто не заработай себе пулю в голову, – добавил Иван со снисходительной усмешкой. Я проигнорировала его реплику. Кафтан был слишком большой. Он казался мягким и непривычным, меховая оторочка льнула к коже. Я закусила губу. Несправедливо, что опричники и гриши носили одежду из пуленепробиваемой ткани, пока обычные солдаты должны были обходиться без нее. Неужели наши офицеры тоже ее носили?

Экипаж набрал скорость. За то время, пока целительница делала свою работу, снаружи начали сгущаться сумерки, и мы оставили Крибирск позади. Я наклонилась вперед, пытаясь выглянуть в окно, но мир вне кареты растворился во мгле.

Я вновь почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и часто заморгала. Несколько часов назад я была испуганной девчонкой на пути к неизведанному, но тогда, по крайней мере, я знала, кто я и что я.

С болью подумалось о картотеке. Остальные выжившие, скорее всего, уже вернулись за рабочие места. Будут ли они оплакивать Алексея? Будут ли обсуждать меня и то, что случилось в Каньоне?

Я вцепилась в мягкое армейское пальто, укрывавшее мои колени. Конечно, все это должно быть сном, какой-нибудь безумной галлюцинацией, вызванной ужасами Тенистого Каньона. Я не могла на самом деле быть одетой в кафтан гриша и сидеть в экипаже Дарклинга – том самом, который чуть не переехал меня вчера.

Кто-то зажег лампу в карете, и в мерцающем свете я смогла лучше рассмотреть интерьер. Сиденья были обиты мягким черным бархатом. На оконных стеклах была выгравирована эмблема Дарклинга: два пересекающихся круга – затмение солнца.

Сидящие напротив гриши изучали меня с нескрываемым любопытством. Их красные кафтаны из тончайшей шерсти были щедро украшены черной тесьмой и обшиты черным мехом. Белокурый сердцееб был долговязым и с вытянутым грустным лицом. Иван был выше и крепче остальных, с волнистыми темными волосами и бронзовой кожей. Теперь, когда я присмотрелась к нему, то должна была признать – он хорош собой.

«И знает это. Большой красивый задира».

Мне было не по себе от их взглядов, и я беспокойно заерзала на месте. Потом уставилась в окно, но там смотреть было не на что, кроме сгущающейся тьмы и собственного бледного отражения. Я обернулась к гришам и попыталась подавить свое раздражение. Они все так же глазели на меня. Я напомнила себе, что эти мужчины способны взорвать мое сердце прямо в груди, но в конце концов не смогла больше терпеть.

– Я не показываю трюки, знаете ли, – резко бросила я.

Гриши обменялись взглядами.

– В палатке ты показала довольно неплохой трюк, – ответил Иван.

Я закатила глаза.

– Ну, если я задумаю сделать нечто интересное, то непременно предупрежу вас. А пока... вздремните или придумайте занятие получше.

Иван выглядел оскорбленным. Я почувствовала укол страха, но седовласый Корпориал громко рассмеялся.

– Я – Федор, – сказал он. – А это Иван.

– Знаю, – представив неодобрительный взгляд Аны Куи, я добавила: – Очень рада знакомству.

Они обменялись насмешливыми взглядами. Я проигнорировала их и заерзала на месте, пытаясь устроиться удобнее. Это было нелегко, учитывая, что два вооруженных солдата занимали почти все пространство. Карета наскочила на камень и она дернулась вперед.

– Это безопасно? Путешествовать ночью?

– Нет, – ответил Федор. – Но останавливаться было бы гораздо опаснее.

– Потому что теперь за мной охотятся? – иронично спросила я.

– Если не сейчас, так скоро.

Я фыркнула. Федор приподнял брови и сказал:

– Сотни лет Тенистый Каньон выполнял грязную работу за наших врагов, закрывая наши порты, задавливая нас, делая слабыми. Если ты действительно заклинательница Солнца, тогда

твоя сила может быть ключом к открытию Каньона, или даже к его уничтожению. Фьерда и Шухан не будут просто стоять в сторонке, они не позволят этому случиться.

Я уставилась на него. Чего эти люди от меня ждали? И что со мной сделают, когда поймут, что я ни на что не годна?

– Это просто смешно, – пробормотала я.

Федор осмотрел меня с головы до ног и слабо улыбнулся.

– Возможно.

Я нахмурилась. Хоть он и соглашался со мной, я все равно чувствовала себя оскорбленной.

– Как ты ее прятала? – неожиданно спросил Иван.

– Кого?

– Свою силу, – нетерпеливо пояснил он. – Как ты ее прятала?

– Я ничего не прятала. Я не знала о ее существовании.

– Это невозможно.

– И все же, – грубо ответила я.

– Разве тебя не тестировали?

В голове мелькнуло смутное воспоминание: три фигуры в мантиях, сидящие в гостиной Керамзина, надменно приподнятые брови женщины.

– Конечно, тестировали.

– Когда?

– Когда мне было восемь.

– Это очень поздно, – прокомментировал Иван. – Почему родители не протестировали тебя раньше?

«Потому что они были мертвы, – подумала я, но не сказала об этом вслух. – И никому не было дела до сирот из приюта князя Керамзова».

Я пожала плечами.

– Бессмыслица какая-то, – проворчал мужчина.

– Это я и пытаюсь до вас донести! – я наклонилась, отчаянно всматриваясь в глаза Ивана и Федора. – Я не та, за кого вы меня принимаете. Я не гриш. То, что случилось в Каньоне... Не знаю, что произошло, но я этого не делала.

– А в палатке гришей? – спокойно спросил Федор.

– Не могу этого объяснить. Но это была не я. Дарклинг что-то сделал, когда коснулся меня.

Иван засмеялся.

– Он ничего *не делал*. Он усилитель.

– Он что?

Федор и Иван снова переглянулись.

– Забудьте, – рявкнула я. – Мне все равно.

Иван потянулся за воротник и вытащил что-то на тонкой серебряной цепочке. Затем протянул это мне, чтобы я оценила. Любопытство во мне победило, и я поднесла предмет ближе, чтобы лучше рассмотреть. Было похоже на связку острых черных когтей.

– Что это?

– Мой усилитель, – гордо заявил Иван. – Когти с передней лапы шерборнского медведя. Я сам его убил, когда бросил школу и стал служить Дарклингу, – он откинулся на сиденье и спрятал цепочку за воротник.

– Усилитель увеличивает силу гриша, – кивнул Федор. – Но для этого в нем изначально должна быть сила.

– Он есть у всех гришей? – спросила я.

Федор замер.

- Нет. Усилители редки и труднодоступны.
- Лишь избранные гриши Дарклинга могут иметь их, – самодовольно проговорил Иван. Я пожалела, что спросила.
- Дарклинг – живой усилитель, – сказал Федор. – Вот, что ты почувствовала.
- Как когти? В этом его сила?
- Одна из его сил, – исправил Иван.

Я плотнее запахнула кафтан, внезапно почувствовав холод. Вспомнилась уверенность, которая наполнила меня при прикосновении Дарклинга, и это странно знакомое волнение зова, звучащего внутри меня, требующего ответа. Это было пугающе, но и волнующе. В тот момент все мои сомнения и страхи затмила абсолютная уверенность.

Я была никем, беженкой из безымянной деревни, тощей и неуклюжей девчонкой, в одиночестве мчавшейся сквозь сгущающуюся тьму. Но когда Дарклинг сжал свои пальцы вокруг моего запястья, я почувствовала себя другой, кем-то значительным. Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, попыталась вспомнить то чувство уверенности, чтобы обрести такую надежную и безупречную мощь наяву. Но ничего не произошло.

Я вздохнула и открыла глаза. Иван выглядел крайне довольным, и мое желание пнуть его стало всепоглощающим.

- Вы все будете жутко разочарованы, – пробормотала я.
- Надеюсь, что ты ошибаешься. Ради твоего же блага, – ответил Иван.
- Ради блага всех нас, – добавил Федор.

* * *

Я потеряла счет времени. Ночь и день сменяли друг друга за окном экипажа. Я только и делала, что вглядывалась в пейзаж в поисках ориентиров, которые показались бы мне знакомыми. Думала, что мы воспользуемся второстепенными тропинками, но вместо этого мы ехали по Ви. Федор объяснил, что Дарклинг посчитал, что скорость превыше скрытности. Он надеялся в сохранности доставить меня за двойные стены Ос Альты прежде, чем слухи о моей силе дойдут до шпионов врагов и ассасинов, которые работали за границей Равки.

Мы неслись во весь опор. Периодически останавливались, чтобы сменить лошадей, и мне позволяли размять ноги. Когда мне удавалось заснуть, мои сны были омрачены монстрами. Один раз я проснулась от толчка, мое сердце быстро билось в груди, и Федор внимательно наблюдал за мной. Иван спал рядом с ним и громко храпел.

- Кто такой Мал? – спросил он.

Я поняла, что разговаривала во сне. Смутившись, оглянулась на опричников по бокам от меня. Один бесстрастно смотрел вперед. Второй дремал. Снаружи мчалось сквозь березовую рощу вечернее солнце.

- Никто, – сказала я. – Друг.
- Следопыт?

Я кивнула.

- Он был со мной в Тенистом Каньоне. Спас мне жизнь.
- А ты спасла его.

Я открыла рот, чтобы возразить, но осеклась. Я спасла жизнь Малу? Эта мысль ненадолго взбодрила меня.

- Это большая честь, – сказал Федор. – Спасти жизнь. Ты спасла многие.

– Но недостаточно, – пробормотала я, вспоминая испуганное выражение лица Алексея, когда его утащили во тьму. Если у меня была эта сила, почему я не смогла спасти его? Или любых других, кто погиб в Каньоне? Я посмотрела на Федора.

– Если ты действительно веришь, что это честь – спасти жизнь, то почему не стал целителем вместо сердцебита?

Федор обдумал такой вариант.

– Из всех гришей у корпоралиов самая сложная работа. Нам требуется больше тренировок и обучения. В конце всего этого я почувствовал, что смогу спасти больше жизней в роли сердцебита.

– В роли убийцы? – удивленно спросила я.

– Солдата, – поправил Федор и пожал плечами. – Убивать или лечить? – сказал он с грустной улыбкой. – У каждого из нас свой дар.

Его выражение лица неожиданно изменилось. Он сел ровно и толкнул Ивана в бок.

– Проснись!

Экипаж остановился. Я недоуменно огляделась.

– А мы... – начала я, но страж рядом со мной захлопнул ладонью мне рот и прижал палец к губам. Дверь кареты распахнулась, и внутрь заглянул солдат.

– Посреди дороги лежит дерево, но это может оказаться ловушкой. Будьте начеку и... – он так и не закончил предложение.

Прозвучал выстрел, и парень упал вперед с пулей в спине. Неожиданно воздух наполнился испуганными криками и зубодробительными звуками пальбы из ружья, когда залп пуль поразил экипаж.

– Ложись! – закричал страж рядом со мной, прикрывая мое тело собственным, пока Иван спихнул мертвого солдата и закрыл дверцу.

– Фьерданцы, – сказал страж, выглядывая наружу. Иван повернулся к Федору и стражу рядом со мной.

– Федор, иди с ним. Вы берете эту сторону, мы займемся другой. Защищайте карету любой ценой.

Федор достал большой нож из-за пояса и передал мне.

– Держись ближе к полу и не издавай ни звука.

Гриши ждали со стражами, пригнувшись у окон, а затем, по сигналу Ивана, выскочили с двух сторон экипажа, захлопывая за собой дверцы. Я сжалась на полу, вцепившись в тяжелую рукоятку ножа, прижав колени к груди, а спиной касаясь основания сидения. Снаружи были слышны звуки борьбы, стук металла об металл, стоны и крики, ржание лошадей.

Экипаж затрясся, когда чье-то тело врезалось в стекло окошка. Я с ужасом увидела, что это был один из моих стражей. Он оставил красный мазок на стекле, когда сползал вниз. Дверца кареты распахнулась, и в ней появился желтобородый мужчина с диким лицом. Я поползла к противоположной части кареты, вытянув перед собой нож.

Он рывкнул что-то своим соотечественникам на странном фьерданском языке и потянулся к моей ноге. Я начала отбрыкиваться, тут дверь позади меня открылась и я чуть не вывалилась на другого бородача. Он схватил меня под мышки, стал грубо тащить из кареты, и я взвыла, взмахивая ножом. Должно быть, его задело, потому что он выругался и ослабил хватку.

Я вскочила на ноги и побежала. Мы были в лесистой долине, где Ви сужалась до тропинки между двумя пологими холмами. Все вокруг меня – солдаты, гриши – боролись с бородачами. Деревья вспыхивали, охваченные пламенем, оказываясь на линии огня гришей. Я видела, как Федор резко махнул рукой, и мужчина перед ним съехался на земле, хватаясь за грудь. Из рта у него пошла кровь.

Я бежала без направления, взбираясь на ближайший холм. Мои ноги оскальзывались на палой листве, покрывавшей лесную землю, дыхание стало прерывистым.

Но не успела я преодолеть и половину пути, как на меня накнулись сзади. Я упала, и нож вылетел из руки при попытке смягчить удар. Я крутилась и брыкалась, пока желтобородый

мужчина тащил меня за ноги, и в отчаянии бросила взгляд вниз на долину, но солдаты и гриши боролись за свои жизни и находились в явном меньшинстве, чтобы прийти мне на помощь.

Я билась изо всех сил, но фьерданец был слишком силен. Он запрыгнул на меня сверху, прижимая коленями мои руки по бокам, и потянулся за своим ножом.

– Я зарежу тебя прямо здесь, ведьма, – прорычал он с сильным акцентом.

В этот момент я услышала стук копыт, и мой захватчик оглянулся на дорогу. Группа наездников ворвалась в долину, их кафтаны пестрели красным и синим, а из рук вырывался огонь и молнии. Главный всадник был одет в черное.

Дарклинг спрыгнул со своего коня и широко раскинул руки, а затем свел их вместе с громким взрывом. Сгустки тьмы выстреливали из его ладоней и извивались по земле, находя фьерданских ассасинов и скользя по их телам, чтобы скрыть лица за бурлящей тенью. Они кричали. Некоторые роняли свои мечи, остальные вслепую размахивали ими.

Я смотрела со смешанным чувством восхищения и ужаса, как бойцы Равки воспользовались преимуществом и с легкостью перерезали беспомощных ослепших мужчин. Бородатый убийца надо мной пробормотал что-то невнятное. Мне показалось, что молитву. Он смотрел, замерев, на Дарклинга, его ужас был почти осязаем. Я воспользовалась этим шансом.

– Я тут! – крикнула я вниз. Дарклинг повернул голову и поднял руки.

– Нет! – проблеял фьерданец, высоко подняв нож. – Мне не нужно видеть, чтобы пронзить ножом ее сердце!

Я задержала дыхание. Долина погрузилась в тишину, нарушаемую лишь стонами умирающих. Дарклинг опустил руки.

– Ты же понимаешь, что окружен, – спокойно сказал он, его голос отражался от стволов деревьев. Ассасин повел головой вправо и влево, затем вверх, к гребню холма, где уже появлялись солдаты Равки с винтовками наготове. Пока фьерданец лихорадочно осматривался, Дарклинг успел сделать несколько шагов вверх по склону.

– Не подходи ближе! – завопил бородатый.

Дарклинг остановился.

– Отдай ее мне, и я позволю тебе вернуться к твоему королю.

Ассасин безумно захохотал.

– О нет, нет. Я так не думаю, – он покачал головой, его нож завис над моей грудью, солнце сверкало на его острие. – Дарклинг не знает пощады.

Он посмотрел вниз на меня. Его ресницы были белыми, почти прозрачными.

– Он тебя не получит, – тихо пропел мужчина. – Ему не достанется ведьма. И сила тоже. – Затем поднял нож выше и закричал: – *Скирден Фьерда!*

Клинок скользнул вниз сияющей дугой. Я отвернулась, в ужасе зажмурив глаза, и в этот момент мельком увидела, как Дарклинг рассек воздух рукой. Раздался еще один громоподобный звук, а затем... ничего.

Несмело приоткрыв глаза, я увидела представший передо мной ужас. Я открыла рот, чтобы закричать, но не издала ни звука. Мужчину надо мной разрезало на две части. Его голова, правое плечо и рука лежали на земле, бледная ладонь все еще сжимала нож. Остальная часть с мгновение качалась надо мной, темная струйка дыма рассеивалась в воздухе рядом с раной, идущей вдоль его разорванного туловища. Затем его останки упали.

Я обрела голос и закричала. Стала отползать назад, подальше от изуродованного тела, не в состоянии подняться, не в состоянии отвернуться от этого жуткого зрелища. Мое тело била неумная дрожь.

Дарклинг поднялся на холм и склонился передо мной, закрывая вид на труп.

– Посмотри на меня, – скомандовал он.

Я пыталась сфокусироваться на его лице, но все, что я видела, это растерзанное тело ассасина, как его кровь стекала на влажную листву.

– Что... что ты с ним сделал? – спросила я дрожащим голосом.

– То, что должен был. Ты можешь встать?

Я слабо кивнула. Он взял меня за руку и помог подняться. Когда мой взгляд вернулся к труп, парень взял меня за подбородок и повернул к себе.

– На меня, – приказал он.

Я кивнула и попыталась смотреть лишь на него, пока Дарклинг вел меня вниз по склону, раздавая приказы своим воинам.

– Расчистите дорогу. Мне нужны двадцать всадников.

– А девчонка? – спросил Иван.

– Поедет со мной.

Он оставил меня рядом со своим конем и пошел совещаться с Иваном и его капитанами. Я с облегчением обнаружила среди них Федора, хватающегося за рану на руке, но в остальном выглядящего невредимым. Похлопав коня по взмыленному боку, я вдохнула чистый запах кожаного седла, пытаюсь успокоить сердце и игнорировать то, что лежало позади меня на склоне.

Через пару минут я наблюдала, как солдаты и гриши седлают своих коней. Несколько бойцов закончили расчищать дорогу, и часть из них собрались ехать в потрепанном экипаже.

– Приманка, – сказал Дарклинг, возникая рядом со мной. – Мы отправимся по южной дороге. Так мы должны были поступить с самого начала.

– Значит, даже ты делаешь ошибки, – сказала я, не подумав. Он замер, натягивая перчатки, и я нервно сжала губы. – Я не хотела...

– Конечно, я делаю ошибки, – его рот скривился в полуулыбке. – Просто нечасто.

Он накинул капюшон и подставил мне руку, чтобы помочь забраться на коня. С мгновение я мешкала. Он стоял передо мной: темный всадник, окутанный в черное, его лицо пряталось в тени. Воспоминание о расчлененном мужчине вспыхнуло в моей голове, и желудок скрутило. Будто прочитав мои мысли, он повторил:

– Я сделал то, что должен был, Алина.

Я знала это. Он спас мне жизнь. Да и какой выбор у меня был? Я взяла его за руку и позволила Дарклингу помочь мне усесться в седло.

Он скользнул позади меня и пустил коня рысью. Покидая долину, я чувствовала неподдельность происходящего со мной.

– Ты дрожишь, – проговорил он.

– Я не привыкла к тому, что люди пытаются меня убить.

– Серьезно? Я такое уже почти не замечаю.

Я обернулась на него. След улыбки все еще не стерся с его лица, но мне показалось, что Дарклинг не шутил. Я отвернулась и сказала:

– И я только что видела, как человека разорвало пополам.

Мой голос звучал спокойно, но я не могла скрыть тот факт, что все еще дрожу. Парень переложил поводья в одну руку и снял перчатку с другой. Я замерла, почувствовав, как он скользнул ладонью под мои волосы и остановился на затылке.

Мое удивление сменилось умиротворением, когда меня наполнила знакомая сила и уверенность. Держа мою голову одной рукой, Дарклинг пустил лошадь галопом. Я закрыла глаза и попыталась не думать ни о чем. Вскоре, несмотря на скорость, несмотря на ужасы этого дня, я погрузилась в беспокойный сон.

Глава 5

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Я чувствовала лишь дискомфорт и усталость. Мы держались подальше от Ви, проезжая по проселочным дорогам и узким охотничьим тропкам, и двигались так быстро, как только позволял рельеф местности.

Потерявшись в ориентирах, я гадала, как далеко мы заехали. После первого дня мы с Дарклингом ехали порознь, но я обнаружила, что всегда знаю, где он в колонне всадников. Он не сказал мне больше ни слова, и по прошествии какого-то времени я стала беспокоиться, что чем-то его обидела. (Хотя, учитывая, как мало я сама говорила, сомневаюсь, что мне это удалось.) Периодически я ловила его на том, что он смотрит на меня – взгляд был холодным и непроницаемым.

Я никогда не была хорошей наездницей, и темп езды Дарклинга напомнил об этом. Неважно, каким боком я устраивалась в седле, все равно какая-то часть тела болела.

Я безучастно наблюдала за подергивающимися ушами моей лошади и пыталась не думать о гудящих ногах или о боли в пояснице. На пятую ночь, когда мы остановились, чтобы разбить лагерь на заброшенной ферме, я хотела быстро спрыгнуть с лошади, но у меня все так затекло, что получилось только сползти с нее. Я поблагодарила солдата, который приглядывал за моей кобылкой, и медленно поплелась вниз по склону на тихий звук ручья.

Я присела на дрожащих ногах на берег и омыла руки и лицо холодной водой. За последние пару дней погода изменилась: осеннее небо сменило ярко-голубой цвет на угрюмый серый. Солдаты считали, что мы доберемся до Ос Альты до наступления первых ночных заморозков. А что потом? Что со мной случится, когда мы окажемся в Малом дворце? Что случится, когда я не смогу сделать то, чего они от меня хотят? Разочаровывать короля было не самым мудрым решением. Или Дарклинга. Я сомневалась, что они просто похлопают меня по плечу и отправят обратно в полк.

Я гадала, был ли Мал все еще в Крибирске. Если раны зажили, его могли отправить обратно на переправу через Каньон или на какое-нибудь другое задание. Я вспомнила его лицо, скрывающееся в толпе в палатке гришей. Нам даже не выдалось шанса попрощаться.

В сгущающихся сумерках я потянулась, разминая руки и спину, и попыталась оправиться от чувства уныния, медленно окутывающего меня изнутри.

«Это, наверное, к лучшему, – твердила я себе. В любом случае, как бы я попрощалась с Малом? – Спасибо, что был моим лучшим другом и делал мою жизнь выносимой. О, и прости, но я уже давно в тебя влюблена. Обязательно напиши мне!»

– Чему ты улыбаешься?

Я обернулась, вглядываясь в темноту. Казалось, что голос Дарклинга сочился из теней. Он прошел к ручью и присел на берегу, чтобы сполоснуть лицо и темные волосы.

– Ну? – спросил он, поднимая голову.

– Над собой смеюсь, – призналась я.

– Ты настолько смешная?

– До уморы.

Дарклинг рассматривал меня в сумеречном свете. Появилось тревожное ощущение, что меня изучают. Если не брать в расчет его немного запыхавшийся кафтан, не похоже, чтобы наша небольшая прогулка хоть как-то повлияла на него. Моя кожа зачесалась от стыда, когда я вспомнила о своем рваном кафтане не по размеру, о грязных волосах и о синяке, который оставил на моей щеке фьерданский ассасин. Может, глядя на меня, он жалел о своем решении? Думал, что совершил еще одну из своих редких ошибок?

– Я не гриш, – выпалила я.

– Доказательства свидетельствуют об обратном, – сказал он с легкой обеспокоенностью. – Почему ты так уверена?

– Да ты посмотри на меня!

– Смотрю.

– Я, по-твоему, похожа на гриша?

Гриши были прекрасными. У них не было проблем с кожей, тусклых каштановых волос или тощих рук.

Он покачал головой и встал.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал он и начал подниматься по холму.

– Может, ты мне объяснишь?

– Нет, не сейчас.

Я была настолько взбешена, что хотела стукнуть его по затылку. Если бы я не видела, как он разделил человека надвое, то, возможно, так бы и поступила. Но пришлось остановиться на испепеляющем взгляде в спину, пока я плелась за ним наверх.

Люди Дарклинга очистили пространство на земляном полу внутри фермерского покоеженного сарая и развели костер. Один из них поймал куропатку и теперь готовил ее на огне. Пришлось делить этот скромный ужин на всех – Дарклинг не хотел, чтобы его воины бродили по лесу ради забавы.

Я села у костра и съела свою маленькую порцию в тишине. Закончив, я замешкалась лишь на мгновение, прежде чем вытереть пальцы об уже грязный кафтан. Скорее всего, это самая шикарная вещь, которую я когда-либо носила или буду носить, и что-то в испачканной и порванной ткани заставило меня чувствовать себя особенно жалкой.

В свете костра я наблюдала за опричниками, сидящими бок о бок с гришами. Некоторые уже удалились, чтобы подготовиться ко сну. Другие были выбраны первыми стоять в дозоре. Оставшиеся сидели за беседой у догорающего огня, передавая друг другу фляжку. Дарклинг находился среди последних. Я заметила, что его порция куропатки была такой же маленькой, как и у остальных. Теперь он сидел рядом со своими солдатами на холодной земле – человек, уступающий во власти лишь королю. Должно быть, Дарклинг почувствовал на себе мой взгляд и повернулся: его гранитные глаза блестели в свете пламени. Я покраснела. К моему ужасу, он встал и пересел ко мне, предлагая флягу. Я колебалась, но все же сделала глоток, морщась от вкуса. Мне никогда не нравился квас, но учителя в Керамзине пили его, как воду.

Мы с Малом однажды украли бутылочку. Порка, которая была неизбежна, когда нас поймали, не шла ни в какое сравнение с тем, как плохо нам было от содержимого бутылки.

Тем не менее напиток приятно обжигал, стекая по горлу. Я сделала еще один глоток и передала флягу обратно.

– Спасибо, – поблагодарила я, слегка поперхнувшись.

Не отрывая взгляда от костра, Дарклинг отпил из фляги, а затем сказал:

– Ладно. Спрашивай.

Я удивленно уставилась на него. Не знала даже, с чего начать. Мой усталый разум распирало от вопросов; я зависла в состоянии между паникой, истощением и неверием с того момента, как мы покинули Крибирск. Я сомневалась, что у меня хватит сил сформулировать свою мысль, а когда открыла рот, заданный вопрос удивил меня:

– Сколько тебе лет?

Он оглянулся на меня озадаченный.

– Точно не знаю.

– Как ты можешь не знать?

Дарклинг пожал плечами.

– Сколько тебе лет?

Я кисло посмотрела на него. Мне была неизвестна дата моего рождения. Всем сиротам в Керамзине была дана дата рождения князя, как общего благодетеля.

– Ну тогда скажи, сколько тебе приблизительно?

– Зачем тебе это?

– Потому что я слышала истории о тебе с детства, но ты не выглядишь особо старше меня, – честно ответила я.

– Какие истории?

– Обычные, – раздраженно продолжила я. – Если не хочешь отвечать, так и скажи.

– Я не хочу отвечать.

– О.

Затем он вздохнул.

– Сто двадцать. Плюс-минус.

– Что?! – вскрикнула я, и сидящий рядом солдат оглянулся на нас. – Это невозможно, – продолжила я чуть тише.

Он уставился на костер.

– Огонь поглощает древесину, оставляя лишь пепел. Огонь – сила. Но сила гриша работает иначе.

– И как же?

– Использование силы делает нас сильнее. Она подпитывает нас, а не поглощает. Большинство гришей проживают долгую жизнь.

– Но не сто двадцать лет.

– Нет, – признал он. – Длина жизни гриша пропорциональна его или ее силе. Чем больше сила, тем длиннее жизнь. А когда есть усилитель... – он замолк и пожал плечами.

– А ты живой усилитель. Как медведь Ивана.

Намек на улыбку зародился в уголках его губ.

– Как медведь Ивана.

Меня осенила неприятная мысль.

– Но это значит...

– Что мои кости или парочка зубов сделают другого гриша очень сильным.

– Ну, это жутковато. Тебя это ни капли не заботит?

– Нет, – просто ответил он. – Теперь ты ответь на мой вопрос. Какие истории ты слышала обо мне?

Я неловко заерзала.

– Ну... учителя рассказывали, что ты укрепил Вторую армию, собрав гришей из других стран.

– Мне не пришлось их собирать. Они сами пришли. Другие страны не так хорошо относятся к гришам, как Равка, – мрачно ответил он. – Фьерданцы сжигают нас, как ведьм, а Керчия продает, как рабов. Шухан расчленяет нас в поисках источника нашей силы. Что еще?

– Они сказали, что ты самый сильный Дарклинг за всю историю.

– Я не просил тебя льстить мне.

Я поддела нитку на рукаве кафтана. Он наблюдал за мной, в ожидании ответа.

– Ну, в поместье работал один старый крепостной...

– Продолжай. Расскажи мне.

– Он... он сказал, что Дарклинги рождаются без души. Что лишь кто-то поистине злой мог сотворить Тенистый Каньон.

Я заметила ледяное выражение на его лице и быстро добавила:

– Но Ана Куя послала его собирать вещи и сказала, что это все крестьянские суеверия.

Дарклинг вздохнул.

– Сомневаюсь, что этот крепостной единственный, кто в это верит.

Я ничего не ответила. Не все думали как Ева или старый крепостной, но я достаточно пробыла в Первой армии, чтобы знать – большинство обычных солдат не доверяли гришам и не были преданы Дарклингу.

Через мгновение парень продолжил:

– Мой прапрапрадед был Черным Еретиком – Дарклингом, который сотворил Тенистый Каньон. Это была ошибка, эксперимент, порожденный его жадностью, возможно, вкупе со злобой. Я не знаю. Но с тех пор каждый Дарклинг пытался уничтожить нанесенный предком ущерб нашей стране, и я не исключение, – затем он повернулся ко мне, его лицо стало серьезным, пламя бросало тени на идеальные черты. – Я провел всю свою жизнь в поисках выхода из этой ситуации. Ты – мой первый проблеск надежды за очень долгое время.

– Я?

– Мир меняется, Алина. Мушкетеры и винтовки – это только начало. Я видел оружие, которое делают в Керчии и Фьерде. Эпоха гришей подходит к концу.

Это была пугающая мысль.

– Но... но как же Первая армия? У них есть винтовки. И другое оружие.

– Откуда, по-твоему, оно взялось? А боеприпасы? Каждый раз, когда мы пересекаем Каньон, мы теряем жизни. Разделенная Равка не переживет новую эпоху. Мы нуждаемся в наших портах. В наших гаванях. И лишь ты можешь вернуть их нам.

– Как? – взмолилась я. – Как я должна это сделать?

– Помоги мне уничтожить Тенистый Каньон.

Я покачала головой.

– Ты безумен. Все это безумие.

Я подняла голову к дырам в крыше амбара и посмотрела на ночное небо. Оно наполнилось звездами, но я видела лишь бесконечную тьму между ними.

Я представила себя в мертвенной тишине Тенистого Каньона: слепую, напуганную, без всякой защиты, кроме моей предполагаемой силы. Подумала о Черном Еретике. Он создал Каньон – Дарклинг, точно такой же, как тот, что сидит рядом, внимательно наблюдая за мной в отблесках костра.

– Что насчет той штуки, которую ты сделал? – спросила я, пока не струсила. – С фьерданцем?

Он вновь посмотрел на костер.

– Это называется «разрез». Он требует большой силы и сосредоточенности. Лишь некоторые гриши способны на это.

Я потеряла руки, пытаясь избавиться от мурашек, которые побежали по телу. Дарклинг посмотрел на меня, затем снова на пламя.

– Если бы я разрезал его мечом, это бы что-то изменило в лучшую сторону?

Изменило бы? Я видела бесчисленное количество ужасов за последние пару дней. Но даже после всех кошмаров Каньона именно та картинка запомнилась мне больше всего, она преследовала меня во снах и в бодрствовании – разрезанное тело бородатого мужчины, раскачивающееся на ярком солнечном свете, прежде чем рухнуть на меня.

– Не знаю, – тихо ответила я.

Какая-то эмоция мелькнула на его лице, нечто похожее на злость или, может, даже на боль. Не сказав ни слова, он встал и ушел. Я наблюдала за его исчезновением в темноте и внезапно почувствовала вину.

«Не будь душой, – уговаривала я себя. – Он Дарклинг. Второй самый могущественный человек в Равке. Ему сто двадцать лет! Ты не могла задеть его чувства». Но я вспомнила выражение его лица, стыд в голосе, когда он говорил о Черном Еретике, и не могла избавиться от чувства, что провалила какой-то своеобразный тест.

Двумя днями позже мы въехали на рассвете через огромные ворота знаменитых двойных стен Ос Альты. Мы с Малом тренировались неподалеку отсюда, в военной крепости Полизной, но никогда не бывали в самом городе. Ос Альта предназначался для знати: здесь жили военные и чиновники, их домочадцы и любовницы, а также многочисленный штат obsługi.

Я почувствовала укол разочарования, когда мы проезжали мимо магазинов, еще закрытых ставнями, мимо большого рынка, где несколько продавцов уже раскладывали товары, мимо узких улиц с прижатыми друг к другу домами. Ос Альта звалась городом-мечтой. Она была столицей Равки, домом гришей и местом, где находился главный королевский дворец. Но на деле выглядела так же, как рыночный городок в Керамзине, только больше и грязнее.

Картинка сменилась, стоило нам доехать до моста. Он был перекинут через широкий канал с маленькими лодочками, качающимися на волнах. На другой стороне проступала сквозь дымку совсем другая часть Ос Альты.

Пока мы переходили мост, я поняла, что его, оказывается, можно поднять – и превратить канал в гигантский ров, который отделит город мечты, лежащий перед нами, от неприятного рыночного городишки, оставшегося позади. Перейдя на другой берег, мы будто попали в иной мир. Куда бы я ни взглянула, везде видела фонтаны и площади, зеленые парки и широкие бульвары, обрамленные идеально ровными рядами деревьев. Тут и там я видела, как разжигали очаг в кухнях на нижних этажах роскошных домов – и дневная работа закипала.

Улицы уводили наверх, и чем выше мы поднимались, тем больше и представительнее становились дома, пока наконец мы не добрались до очередной стены и очередных ворот – на этот раз золотых, – которые были увенчаны двуглавым орлом, символом короля. Вдоль стены я увидела стоящих в карауле воинов в полном боевом облачении – как мрачное напоминание о том, что, какой бы красивой ни была Ос Альта, это все еще столица страны, которая давно находится в состоянии войны.

Ворота распахнулись. Мы поехали по широкой дороге, посыпанной сверкающим гравием и обрамленной рядами элегантных деревьев. Справа и слева уходили вдаль ухоженные сады, окутанные утренним туманом. Над всем этим, поверх мраморных террас и золотых фонтанов, маячил Большой дворец – зимний дом короля Равки. Когда мы наконец доехали до огромного фонтана с двуглавым орлом на вершине, Дарклинг подвел своего коня ближе.

– Ну, что думаешь?

Я взглянула на него, затем вновь на искусный фасад. Дворец был больше, чем любое здание, которое я когда-либо видела: террасы полнились статуями, блестящие окна шли ряд за рядом в три этажа, каждое украшено тем, что, как я подозревала, было настоящим золотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.